

Грег **Кинг** и Пенни **Уилсон**

Анастасия или Анна?

ВЕЛИЧАЙШАЯ ЗАГАДКА ДОМА РОМАНОВЫХ

Тридцать лет исследований таинственной истории
спасения великой княжны

Пенни Уилсон

**Анастасия или Анна? Величайшая
загадка дома Романовых**

«Издательство АСТ»

2014

Уилсон П.

Анастасия или Анна? Величайшая загадка дома Романовых /
П. Уилсон — «Издательство АСТ», 2014

Неужели княжна Анастасия, дочь последнего русского императора Николая II, осталась жива? И если да – то каким чудом ей удалось спастись во время расстрела царской семьи в Екатеринбурге в июле 1918 года? Или за Анастасию выдавала себя самозванка, польская крестьянка Франциска Шанцковски, взявшая себе псевдоним Анна Андерсен? Почему семья Романовых сначала признала, а затем решительно отвергла ее? Можно ли доверять результатам генетической экспертизы и были ли действительно найдены останки всех членов семьи Романовых? И где конец этого исторического детектива XX века? Авторы книги предложили разгадку одного из самых популярных и очаровательных мифов XX века.

Содержание

От авторов	6
Действующие лица	7
Благодарности	14
Введение	18
Часть первая: Анастасия	27
1	27
2	37
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Грег Кинг и Пенни Уилсон

Анастасия или Анна? Величайшая загадка дома Романовых

Оригинальное издание «*The resurrection of the Romanovs: Anastasia, Anna Anderson, and the world's greatest royal mystery*», впервые опубликованное в 2011 г., печатается на русском языке с разрешения John Wilwe & Sons, Inc., Dorie Simmonds Agency и Synopsis Leterary Agency.

Все права защищены. Ни одна из частей этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.

© 2011 Greg King; Penny Wilson

© ООО «Издательство АСТ», перевод на русский язык

От авторов

Многообразие титулов, стилистических и лингвистических особенностей, которое характерно для этой книги, требует краткого пояснения. Николай II правил Российской империей с 1894 по 1917 год. Согласно официальному титулу, принятому еще Петром Великим в 1721 году, он именовался *императором*, хотя сам Николай отдавал предпочтение более старому титулу *царь*. Его жена Александра носила титул *императрицы*, хотя гораздо чаще ее называли *царицей*. Их сын и наследник престола Алексей имел соответственный титул *цесаревич*, в то время как Анастасия и ее сестры были *великими княжнами*, что означало, что они являются носителями ранга, более высокого, чем тот, который имеется у принцесс Европы. При полном своем уважении к титулам и званиям мы изо всех сил старались там, где это только возможно, избегать трудного для восприятия и многократного повторения титулов, и, представив их один раз на страницах этой книги, в дальнейшем называли большинство русских участников драмы «Анна Андерсон», используя только их имена и отчества. Возможно, читателям будет удобнее обращаться к приведенному здесь перечню «Действующие лица», с целью уяснить их имена и характер взаимоотношений.

Но в такой книге, как эта, повествование которой начинается в России и которая ведет читателей через Германию и современную Польшу, возникает целое множество проблем, и проблемы орфографии являются не последними из них. Мы пытались следовать немецким правилам грамматики и орфографии, имея дело с временами умопомрачительным обилием свидетелей, конфликтующих сторон и родственников Романовых в деле Андерсон, однако при этом мы не пытались ввести все и вся в рамки точных определений; так, вместо того чтобы назвать Эрнста Людвига, брата императрицы Александры, его полным титулом – великий герцог Гессенский и Прирейнский – таков его полный титул в Германии, – мы отдали предпочтение более простой форме: великий герцог Гессенский. Некоторые отклонения от орфографии и при выборе слов, особенно в случае родственников Анны Андерсон, приводятся и объясняются, как правило, в примечаниях, а не в основном тексте.

До революции в России использовали юлианский календарь; в XX в. он стал отставать от грегорианского календаря, которым пользуются на Западе, на 13 дней. Мы приводим даты в соответствии с грегорианским календарем, однако даты по юлианскому календарю в письмах того времени помечаем литерами ст. ст. (по старому стилю).

Действующие лица

Семья российского императора

Николай II Александрович (6/18.5.1868–17.7.1918), последний император Всероссийский, правил с 1894 по 1917 год.

Александра Федоровна (6.6.1872–17.7.1918), императрица Всероссийская и супруга Николая II, урожденная Алиса принцесса Гессенская и Прирейнская.

Алексей Николаевич (30.6/12.8.1904–17.7.1918), великий князь и наследник-цесаревич, единственный сын Николая II и Александры Федоровны.

Ольга Николаевна (3/15.11.1895–17.7.1918), великая княжна, старшая дочь Николая II и Александры Федоровны.

Татьяна Николаевна (29.5/10.6.1897–17.7.1918), великая княжна, вторая дочь Николая II и Александры Федоровны.

Мария Николаевна (14/26.6.1899–17.7.1918), великая княжна, третья дочь Николая II и Александры Федоровны.

Анастасия Николаевна (5/18.6.1901–17.7.1918), великая княжна, четвертая и самая младшая дочь Николая II и Александры Федоровны.

Родственники Анастасии по отцовской линии

Александр Михайлович (1/13.4.1866–26.2.1933), великий князь, внук Николай I, двоюродный дядя Николая II и муж его сестры великой княгини Ксении Александровны.

Андрей Владимирович (2/14.5.1879–30.10.1956), великий князь, внук Александра, троюродный брат Николая II, в 1921 г. женился на балерине Матильде Кшесинской, которая одно время была любовницей Николая II; принимал участие в расследовании по иску Андерсон.

Феликс Феликсович Юсупов (11/24.3.1887–27.9.1967), князь, граф Сумароков-Эльстон, организатор убийства Г.Е. Распутина, в 1914 г. женился на княгине Ирине Александровне (1895–1970), единственной дочери великой княгини Ксении Александровны и великого князя Александра Михайловича.

Кирилл Владимирович (30.9/12.10.1876–12.10.1938), великий князь, внук Александра II, двоюродный брат Николая II, в 1905 г. женился на Виктории Мелите («Даки»), бывшей супруге Эрнста Людвига, великого герцога Гессенского, единственного выжившего брата императрицы Александры Федоровны; первый среди наследников российского престола.

Мария Федоровна (26.11.1847–13.10.1928), вдовствующая императрица Всероссийская, вдова Александра III, мать Николая II, урожденная принцесса Дагмар, дочь короля Дании Кристиана IX.

Нина Георгиевна (7/20.6.1901–27.2.1974), княжна императорской крови, старшая дочь великого князя Георгия Михайловича; в 1922 г. вышла замуж за князя Павла Чавчавадзе, мать князя Давида Чавчавадзе.

Ольга Александровна (1/13.6.1882–24.11.1960), великая княгиня, младшая сестра Николая II, самая любимая тетка Анастасии; в 1901 г. вышла замуж за принца Петра Ольденбургского (в 1916-м брак расторгнут), 2-м браком – за полковником Николаем Куликовским.

Ксения Александровна (25.3/6.4.1875–20.4.1960), великая княгиня, старшая сестра Николая II, супруга великого князя Александра Михайловича и теща князя Феликса Юсупова.

Ксения Георгиевна (9/22.8.1903–17.9.1965), княжна императорской крови, младшая дочь великого князя Георгия Михайловича; в 1921 г. вышла замуж за Уильяма Лидса (в 1930-м брак расторгнут), в 1946 г. вышла замуж за Хермана Джада; ее дочь – Нэнси Лидс Уинкуп; в 1928 г. она приютила Андерсон в своем поместье в Кенвуде (Лонг-Айленд, США).

Георгий Николаевич (28.11.1872–9.8.1929), герцог Лейхтенбергский, принц де Богарне, дальний родственник Романовых; в 1895 г. женился на княжне Ольге Репниной-Волконской (1872–1953); в 1927–1928 гг. давал приют Анне Андерсон в своем баварском замке Зеон.

Елена Георгиевна (1896–1977), герцогиня Лейхтенбергская, старшая дочь герцога Георгия Лейхтенбергского.

Дмитрий Георгиевич (1898–1972), герцог Лейхтенбергский, старший сын герцога Георгия Лейхтенбергского; в 1921 г. женился на Екатерине Араповой (1900–1991).

Наталья Георгиевна (1900–1995), герцогиня Лейхтенбергская, дочь герцога Георгия Лейхтенбергского; в 1924 г. вышла замуж за барона Владимира Меллера-Закомельского.

Тамара (1901–1978), герцогиня Лейхтенбергская, дочь герцога Георгия Лейхтенбергского, в замужества Кранафилова.

Константин (1905–1983), герцог Лейхтенбергский, сын герцога Георгия Лейхтенбергского.

Родственники Анастасии по материнской линии и члены европейских владетельных домов

Эрнст-Людвиг (25.11.1868–9.10.1937), последний великий герцог Гессенский и Прирейнский, единственный выживший брат императрицы Александры Федоровны; в 1894 г. женился на Виктории Мелите, принцессе Саксен-Кобург-Готской («Даки») (в 1901-м брак расторгнут); в 1905 г. женился на принцессе Элеоноре фон Сольмс-Гоген-сольмс-Лих.

Ирэна (11.7.1866–11.11.1953), принцесса Прусская, урожденная принцесса Гессенская и Прирейнская, сестра императрицы Александры Федоровны; в 1888 г. вышла замуж за принца Генриха Прусского, младшего брата кайзера Вильгельма II.

Сигизмунд (27.11.1896–14.11.1978), принц Прусский, 2-й сын принцессы Ирэны и принца Генриха Прусских: в 1919 г. женился на принцессе Шарлотте Саксен-Альтенбургской, сестре принца Фридриха Саксен-Альтенбургского.

Виктория (5.4.1863–24.9.1950), маркиза Милфорд-Хейвен (с 1917), урожденная принцесса Гессенская и Прирейнская, старшая сестра императрицы Александры Федоровны; мать лорда Луиса Маунтбэттена и бабка принца Филиппа герцога Эдинбургского.

Цецилия (20.9.1886–6.5.1954), кронпринцесса Пруссии, урожденная принцесса Макленбургская, племянница великого князя Александра Михайловича; с 1905 г. вышла замуж за кронпринца Вильгельма, старшего сына и наследника кайзера Вильгельма II.

Фридрих Эрнст (15.5.1905–23.2.1985), принц, 3-й сын Эрнста II герцога Саксен-Альтенбургского, дальний родственник Романовых, начиная с 1949 г. выступал в качестве юридического консультанта Анны Андерсон; его сестра Шарлотта была замужем за принцем Сигизмундом Прусским.

Людвиг (20.11.1908–30.5.1968), принц Гессенский и Прирейнский, младший сын и единственный выживший наследник великого герцога Эрнста Людвиг, а также двоюродный брат Анастасии; добровольно согласился выступать в качестве ответчика в гражданском иске Анны Андерсон к герцогине Барбаре Мекленбургской.

Барбара (2.8.1920–31.5.1994), принцесса Прусская, герцогиня Мекленбургская; внучка принцессы Ирэны и принца Генриха Прусских, дочь принца Сигизмунда Прусского, в 1954 г. вышла замуж за герцога Кристиана Людвига Мекленбургского; главный ответчик по гражданскому иску Андерсон.

Маунтбэттен Луис (25.6.1900–27.8.1979), 1-й граф Бирманский (с 1947), младший сын Виктории, сестры императрицы Александры Федоровны, оказывал финансовую помощь ответчикам по гражданскому иску Анны Андерсон.

Чины Императорского двора и свиты, придворные

Буксгевден София Карловна (6.9.1883–26.11.1956), баронесса, с 1913 г. фрейлина императрицы Александры Федоровны.

Гиббс Чарлз Сидней (19.1.1876–24.3.1963), учитель английского языка детей императора.

Жильяр Пьер (16.5.1879–30.5.1962), учитель французского языка детей императора; в 1922 г. сочетался браком с Александрой Александровной Теглевой.

Мордвинов Анатолий Анатольевич (14.6.1870–?), полковник, с 1913 г. флигель-адъютант Николая II.

Саблин Николай Павлович (16.4.1880–21.8.1937), капитан 1-го ранга, бывший офицер императорской яхты «Штандарт», флигель-адъютант.

Теглева Александра Александровна (Шура) (1884–1955), бывшая няня детей императора; в 1922 г. вышла замуж за Пьера Жильера.

Волков Алексей Андреевич (1859–1929), камердинер царской семьи.

Медицинский персонал

Барфкнехт Эмилия, медицинская сестра в психиатрической клинике Дальдорф, Берлин.

Бонхеффер Карл, доктор, лечил Анну Андерсон в клинике Моммсена, Берлин.

Буххольц Эрна, медицинская сестра в психиатрической клинике Дальдорф, Берлин.

Эйтель Теодор, доктор, врач-терапевт, лечил Анну Андерсон в санатории Stillachhaus Sanatorium в Оберсдорфе (Бавария) с 1926 по 1927 г.

Кострицкий Сергей Сергеевич, профессор, бывший личный дантист Николая II.

Нобель Лотар, доктор, директор клиники Моммсена, Берлин.

Малиновски Анна (Теа), позже Анна Хемниц, медицинская сестра в психиатрической клинике Дальдорф, Берлин.

Руднев Сергей, профессор, русский эмигрант, доктор-фтизиатр, лечил Анну Андерсон в 1925–1926 гг.

Вальц Берта, медицинская сестра в психиатрической клинике Дальдорф, Берлин.

Виллиг Ганс, доктор, директор психиатрической клиники Ильтен (близ Ганновера), лечил Анну Андерсон в 1931–1932 гг.

Юристы, занимавшиеся делом Анны Андерсон

Беренберг-Госслер Гюнтер фон (1901–2001), доктор, юрист, представлявший интересы герцогини Барбары Мекленбургской в гражданском суде по иску и апелляции в деле Андерсон.

Фаллоуз Эдуард, американский юрист Анны Андерсон с 1928 по 1940 г.

Крампф Ганс Герман, доктор, юрист, представлявший интересы принца Людвиг Гессенского в гражданском суде по иску и апелляции в деле Андерсон.

Леферкюн Пауль, доктор, совместно с Куртом Фермереном был немецким юристом Анны Андерсон с 1938 по 1960 г.

Штакельберг Курт фон, барон, доктор, юрист, который в 1970 г. вел дело по апелляции Анны Андерсон в Федеральном верховном суде ФРГ.

Фермерен Курт, доктор, совместно с Паулем Леферкюном был немецким юристом Анны Андерсон с 1938 по 1962 г.

Волльман Карл Август, начиная с 1962 г. вел дела по апелляциям Анны Андерсон.

Стороны, участвовавшие в процессе

Оклере Доминик, журналист газеты «Ле Фигаро», писал репортажи о процессе по гражданскому иску Андерсон.

Боткин Глеб Евгеньевич (1900–31.12.1969), младший сын лейб-медика Е.С. Боткина, который был убит вместе с семьей Романовых.

Боткин Сергей Дмитриевич (29.6.1869–22.4.1945), родственник лейб-медика Е.С. Боткина, глава Общества русских беженцев в Берлине.

Боткина Татьяна Евгеньевна (1898–1986), единственная дочь лейб-медика Е.С. Боткина; в 1918 г. вышла замуж за Константина Мельника.

Буркхарт Сюзанна, урожденная Гриндстаф, обладательница образца волос Анны Андерсон, подвергнутого анализу на соответствие ДНК.

Дассель Феликс (умер в 1958-м), ротмистр 9-го Казанского драгунского полка, бывший пациент госпиталя в Царском Селе, открытом под патронажем великих княжон Марии и Анастасии Николаевны.

Ден Лили (Юлия Александровна) фон (27.7/9.8.1885–8.10.1963), близкая подруга императрицы Александры Федоровны; урожденная Смольская, в 1907 г. вышла замуж за капитана 2-го ранга Карла фон Дена.

Грюнберг Франц, инспектор Берлинской полиции, в 1922–1924 гг. он приютил у себя Анну Андерсон.

Харденберг Куно фон, граф, бывший церемониймейстер двора великого герцога Эрнста Людвиг Гессенского.

Хорэн Брайен Парселл, американский юрист и историк, изучавший дело Андерсон.

Дженнингс Энни Берр, девушка из богатой семьи, которая в 1928–1930 гг. периодически предоставляла кров Анне Андерсон у себя в Нью-Йорке.

Клейст Артур фон, барон, бывший шеф полиции одной из провинций Польши, в 1922–1924 гг. он периодически предоставлял кров Анне Андерсон у себя в Берлине и записывал первые варианты ее якобы мемуаров.

Клейст Герда фон, баронесса, младшая из четырех дочерей барона и баронессы фон Клейст.

Клейст (урожденная Гроттхаус) Мари фон, баронесса, жена барона Артура фон Клейста.

Клеменц Вера фон, учительница музыки в замке Шлосс-Зееон, Бавария.

Кнопф Мартин (1891–?), частный банковский детектив в Берлине; он был нанят графом Куно фон Харденбергом по поручению великого герцога Эрнста Людвига, чтобы расследовать обоснованность иска Анны Андерсон, и работал совместно с «Шерл Пресс» в Берлине.

Курт Петер, биограф Анны Андерсон.

Лейвингтон Фейт, учитель английского языка в замке Зееон.

Лилбэрн Йен, историк и авторитетный специалист по делу Анны Андерсон.

Люке Фриц, редактор издательства «Scherl Press» в Берлине, издатель газет «Die Woche» и «Berliner Nachausgabe», вместе с Мартином Кнопфом занимался расследованием по иску Анны Андерсон.

Мэнехен Джон И. («Джек») (1919–1990), женился на Анне Андерсон в 1968 г.

Милюков Алексей, русский эмигрант, друг Глеба Боткина, в 1960-е гг. вел запись бесед Анны Андерсон.

Остен-Сакен Василий, барон, заместитель Сергея Боткина в Обществе русских беженцев в Берлине.

Пойтерт Мари Клара (1871–1933), урожденная Мейссен, пациент психиатрической клиники Дальдорф в Берлине.

Ратлеф-Кальман Гарриет фон (1887–1933), скульптор, в 1925–1926 гг. она ухаживала за Анной Андерсон и написала первую книгу об ней.

Реми Морис Филипп, немецкий постановщик документальных фильмов, в 1993–1994 гг. принимал участие в ожесточенной юридической полемике по поводу проведения исследований образцов тканей тела Анны Андерсон.

Швабе Николай фон, капитан, бывший офицер лейб-гвардии Кирасирского императрицы Марии Федоровны полка, член Русского монархистского совета в Берлине; он и его жена Алиса периодически предоставляли кров Анне Андерсон в 1922–1924 гг.

Швейцер Марина, урожденная Боткина, дочь Глеба Боткина; в 1994 г. вместе со своим мужем адвокатом Ричардом Швейцером устроила и оплатила проведение ДНК-анализа на образцах тканей тела Анны Андерсон.

Швейцер Ричард, муж Марины Боткиной-Швейцер, организовал и оплатил проведение ДНК-анализа на образцах тканей тела Анны Андерсон, сделанного в 1994 г.

Шпидлер Гертруда, подруга Гарриет фон Ратлеф-Кальман и сторонница Анны Андерсон, она вела расследование по заявлению последней на право жительства в Бухаресте.

Толстая Зинаида Сергеевна (1880–1961), урожденная Бехтеева, после отречения состояла в переписке с императрицей Александрой Федоровной.

Вассершлебен Агнесс, старшая сестра в санатории «Stillachhaus», ухаживала за Анной Андерсон в замке Зееон.

Зале Херлуф (1873–1941), датский посланник Дании в Берлине, временный председатель Лиги Наций в 1928–1929 гг.

Современные ученые

Кобл Майкл, доктор, ранее работал в Лаборатории вооруженных сил, занимающейся идентификацией родственников по результатам ДНК-анализа; в настоящее время является судебным биологом Национального института стандартов и технологии в Гейтесберге, штат Мэриленд. Он оказывал помощь в процессе идентификации останков Романовых, обнаруженных в 2007 г., и проводил новый ДНК-анализ на образцах волос Анны Андерсон в 2010 г.

Подини Дэниел, доктор, профессор Университета Джорджа Вашингтона; в 2010 г. он (совместно доктором Майклом Коблом) проводил новый цикл ДНК-анализа на образцах волос Анны Андерсон.

Джил Питер, доктор, бывший сотрудник Научно-исследовательской лаборатории судебной медицины при Министерстве внутренних дел Великобритании, руководитель группы, которая в 1993–1994 гг. проводила ДНК-анализ как на эксгумированных останках Романовых, так и на тканях и волосах, взятых от Анны Андерсон.

Мандельбаум Сид, доктор, генетик, который сделал первое предложение об анализе тканей Анны Андерсон и организовал проведение анализа образцов волос, хранившихся у Сюзанны Гриндстаф-Буркхарт.

Мелтон Терри, доктор, совместно с доктором Марком Стоуникингом проводил ДНК-анализ образцов волос Анны Андерсон в лаборатории Университета штата Пенсильвания.

Стоуникинг Марк, доктор, совместно с доктором Терри Мелтоном проводил ДНК-анализ образцов волос Анны Андерсон в лаборатории Университета штата Пенсильвания.

Уидн Виктор, доктор, проводил порученный ему в частном порядке Ричардом и Мариной Швейцер анализ образцов тканей Анны Андерсон в расположенном в штате Мэриленд Институте патологии при Вооруженных силах США.

Семейство Ченстковских (Шанцковских)

Ченстковский Антон (1842 – 13.4.1912), отец Франциски, в 1890 г. женился на Жозефине Пеек (умерла в 1892); в 1894 г. вторично женился на Марианне Вицке.

Вицке Марианна (1866 – 20.12.1932), мать Франциски, в 1894 г. вышла замуж за Антона Ченстковского, в 1913 г. – за господина Кнопфа.

Ченстковский Мартин Кристиан (16.11.1895–?), родился в селе Боровилхас, Западная Пруссия, первый ребенок Антона и Марианны, умер в младенчестве.

Ченстковская (позже Шанцковская) Франциска Анна (родилась 16.12.1896 в селе Боровилхас, Западная Пруссия), второй ребенок и старшая дочь Антона и Марианны.

Ченстковская Гертруда (родилась 12.11.1898 в селении Цукофкен, Западная Пруссия), третий ребенок Антона и Марианны, в 1926 г. вышла замуж за Августа Эллерика; дочь – Маргарета Эллерик.

Ченстковский Михаэль (родился 16.12.1899 в селении Цукофкен, Западная Пруссия), четвертый ребенок Антона и Марианны, умер в младенчестве.

Ченстковский Валериан (родился 25.4.1900 в Глижнице, Померания), пятый ребенок Антона и Марианны.

Ченстковский (позже Шанцковский) Феликс (родился 17.2.1903 в Глижнице, Померания), шестой ребенок Антона и Марианны, женился на Эмме Мюллер; дочь – Вальтраут фон Ченстковская.

Ченстковская Мария Юлиана (родилась 30.4.1905 в Шварц-Даммерков, Померания), седьмой ребенок Антона и Марианны, вышла замуж за Флориана Заковского (Загорского).

Маухер Карл, сын Маргареты Эллерик, внук Гертруды, в 1994 г. он дал кровь для проведения ДНК-анализа.

Люди, близкие Франциске Шанцковской

Мейер Отто, учитель Франциски в г. Хигендорфе, отец Ричарда Мейера.

Мейер Ричард, сын Отто Мейера, друг детства Франциски, позднее бургомистр г. Хигендорфа.

Шрок (позднее Боровская, до этого Реец) Марта, подруга детских лет Франциски в селекции Хигендорфе.

Вингендер Анна (1867–?), урожденная Тевальт, домохозяйка Франциски, во время ее проживания в Берлине на улице Neue Hochstrasse, мать Кэт, Дорис и Луизы Вингендер.

Вингендер Луиза (1907–?), младшая дочь Анны Вингендер, вышла замуж за господина Фидлера.

Вингендер Роза Доротея (Дорис) (1903–?), дочь Анны Вингендер, в 1936 г. вышла замуж за Вернера Ритмана.

Выпрыжик Кэт (1901–?), урожденная Вингендер, старшая дочь Анны Вингендер.

Клиники и курортно-оздоровительные учреждения

Психиатрическая клиника Берлин-Шенеберг (Франциска Шанцковская: с 16 сентября 1916 г. по январь 1917 г.)

Государственный институт здравоохранения и опеки Дальдорф, Берлин, Витенау (Франциска Шанцковская с января по 19 мая 1917 г.; Анна Андерсон, в качестве неизвестной фрейлейн с 28 марта 1920 г. по 30 мая 1922 г.)

Клиника Св. Елизаветы, Люцовштрассе, Берлин (Анна Андерсон, в качестве неизвестной фрейлейн, с 17 февраля по 28 марта 1920 г.)

Дом отдыха «Четыре ветра», Катона, Нью-Йорк (Анна Андерсон, с 24 июля 1930 г. по август 1931 г.)

Психиатрический институт Ильтена, Ганновер (Анна Андерсон, август 1931 г. – июнь 1932 г.)

Landheilanstalt Neuruppin, Нойруппин (Франциска Шанцковская: с 19 мая по 22 октября 1917 г.)

Клиника Моммсена, Берлин (Анна Андерсон как Анастасия Чайковская, с июля 1925 г. по весну 1926 г.)

Клиника Св. Марии (Анна Андерсон как Анастасия Чайковская, периодически с 1922 г. по 1925 г.)

Stillachhaus Sanatorium, Оберсдорф, Бавария (Анна Андерсон как Анастасия Чайковская, с 25 июня 1926 г. по 1 марта 1927 г.)

Клиника Западного округа, Берлин (Анна Андерсон как Анастасия Чайковская, периодически с 1922 г. по 1925 г.)

Благодарности

Друзьям и семьям тех из нас, кто называет себя авторами, приходится мириться с нашим отсутствием, вечной занятостью, неотмеченными днями рождения и праздниками, а также с другими превратностями судьбы, которые могут казаться достойными порицания и эгоистичными, в то время когда мы, включив ноутбук, рассказываем им какую-нибудь историю, сопровождая ее показом наглядного материала. Они мирятся со всем этим и заслуживают того, чтобы их отметить особо.

Кристофер Кинсмэн в течение двадцати пяти лет был и остается настоящим и преданным другом; Пенни Уилсон благодарит его за неиссякаемый интерес и поддержку, она мечтает о многократном повторении вечеров по пятницам, когда они собираются и пьют пиво в Yardhouse или Falconer. Пенни Уилсон работает в городской спортивной школе города Риверсайд в Калифорнии, лучшей спортивной школе во Внутренней империи¹. В течение последних нескольких лет персонал этой школы брал на себя дополнительные часы занятий и дополнительные обязанности, чтобы дать возможность работающему в ней автору писать книгу и проводить исследования в соответствии с намеченным графиком. За их постоянную поддержку Пенни благодарит Артура Браклера, Грега Инглиша, Карлоса Мата, Тома Мишлера и Эда Гарднера, а также семью Перес: Эмилио-старшего, Мариселу и Эмилио-младшего. Кроме того Веллингтона Портера, Мэделайн Прюэтт, Джоша Свитена, Казин Джеймса, Томми Гутиэреса и Эллисона Уондолека. Особая благодарность Дженнифер Хокинс, которую иначе как источником вдохновения не назовешь. За добрые слова и моральную поддержку Пенни также благодарит членов правления городской спортивной школы, включая Дэвида Армстронга, доктора Рона Бейли, Карлоса и Лоурел Кортес, Дэвида Эдджина, Тома Фоули, Майкла «Уильяма» Грея, Франсиско Гуэрра Билли Мак-Уортера, Майка Лувизи, Чеда Тренэма, Зитона Уильямса, Реза Уильямса, Али Яхьяви и Донну Зиб.

Интернет предоставил возможность дружить с людьми, с которыми невозможно или достаточно трудно встретиться. Режиссер и постановщик Саймон Донахью, несмотря на плотный график работы, дарил столь необходимое душевное спокойствие и добрую шутку, давал дельные советы на всем протяжении исследования и работы над этой книгой, и Пенни от всего сердца благодарит его за это. Майк Пайлс проявил себя удивительным другом и изумительно чутким человеком. Пенни также выражает благодарность членам общества Planetsocks за неиссякаемый здравый смысл, великолепное остроумие и их своеобразную мудрость. И, наконец, благодарность Оскару Ширеру, руководителю, личному тренеру, не знающему себе равных по части бодибилдинга, а также другу, наставнику и любителю пофилософствовать в пять часов утра. Пенни мечтает о предстоящих совместных тренировках, а также о встречах за кофе и беседах.

За оказанную поддержку Пенни Уилсон хотела бы также поблагодарить свою семью, а именно своих родителей Эдварда и Мэри О'Ханлон, своих брата и невестку Питера и Линн О'Ханлон, а также племянников и их семьи, а именно Йона и Джеки Филипс, Джейми, Линдсея и Джорджию Филипс, а также Билла Юнэша. В дополнение к сказанному Пенни хотела бы поблагодарить Пола и Барбару Цилсон, Лиз Уилсон, а также Пеги, Дарена, Эрика и Райэна Картрайтов. Пенни, как и прежде, любит Тома Уилсона, а Грег выражает ему свою благодарность за техническую помощь и духовную поддержку, поскольку мы решили написать еще одну книгу. Надеемся, что после этого он сможет наконец уйти в отставку!

¹ Внутренняя империя – экономическая область, которая образовалась в 1881 году, после того, как в эти места была проложена Северо-тихоокеанская железная дорога, и включает восточные территории штата Вашингтон, северные территории штата Айдахо, северо-восток штата Орегон, а также запад штата Монтана и юг Британской Колумбии. – Прим. пер.

Грег Кинг выражает благодарность Шарлен Аадленд, профессору Джозефу Фурману, Чаку и Эйлин Кнаус, Энджеле Мэннинг, Сесилии Мэннинг, Марку Мэннингу, Сьюээн Меслэнс, Скотту Михаэлсу, Россу и Дэйб Майнах, Стиву О’Доннеллу, Брэду Свенсону и Деборе Тейт. Особая благодарность компании Henderson’s Books в Беллингэме, штат Вашингтон, самому лучшему в штате источнику сведений по малоизвестным и антикварным книгам, их щедрая помощь не один раз спасала меня от отчаяния.

И как всегда, Грег благодарит своих родителей, Роджера и Хелен Кинг, за их неиссякаемую поддержку, щедрость и веру в правильность весьма необычного пути к успеху, который был избран их сыном.

Дори Симмондс из Dorie Simmonds Literary Agency в Лондоне с ее не знающим сомнений энтузиазмом и обилием мудрых советов являлась крестной этой книги от зарождения идеи и вплоть до выхода книги в свет. Такое было бы невозможно, если бы не ее вера в нас. Очень полезной была работа Стивена Пауэра, редактора издательства Wiley, готовившего книгу к печати. Обладая несомненным талантом и опытом, а также даром проникать даже в самые сложные коллизии, он заставил нас посмотреть на созданную нами книгу под иным углом зрения. Тем самым он дал нам возможность подойти к повествованию об Андерсон с обновленным интересом и чувством удивления, которые, мы верим, разделят и наши читатели.

В заключении к книге *The Fate of the Romanovs* мы отмечали, что работа в этом направлении началась задолго до нашей встречи, поскольку каждый из нас работал над собственным исследованием династии Романовых. То же можно сказать и об этой книге, но история Анастасии, нашедшая развитие в претензиях Анны Андерсон, и есть та тема, которая изначально побудила каждого из нас заняться изучением истории Российской империи. Если бы не было претендентки на титул или судебного процесса, весьма вероятно, что семейство последнего императора России незаметно погрузилось бы в забвение. Зачастую именно интересы тех, кто поддерживает позиции многих сторон, оказались силой, которая заставляла продолжить исследования данного вопроса, хотя это плохо согласуется с точкой зрения тех, кто почитает семейство Романовых как новых святых православной церкви. Однако, как показывает эта книга, претензии Анны Андерсон стали неотъемлемой частью истории последнего русского императора и его семейства, и по этой причине мы выражаем свою благодарность в первую очередь и более всего «анастасианцам» – тем историкам, писателям, исследователям, заинтересованным сторонам и прочим убежденным, кто в течение многих лет не позволял этому делу кануть в забвение, изучал противоречия, таившиеся в деле, и кто, часто не боясь насмешек в свой адрес, продолжал задавать неудобные вопросы, окончательный ответ на которые мы попытались дать в этой книге.

Настоящая книга – это результат огромной работы, продукт более чем десятилетнего анализа показаний под присягой и решений суда, а также писем и мемуаров; она зиждется не только на наших личных пристрастиях и результатах исследований, но и на результатах иных работ, в течение многих лет проводившихся в этом направлении. Не зная наверняка, будем ли мы совместно или по отдельности писать эту книгу, мы тем не менее старались воспользоваться любой возможностью провести анализ материала и, если такая возможность появлялась, задать вопросы тем, кто имел отношение к данному делу. Многие из тех, кто помогал нам из России, Германии, Англии и Северной Америки в процессе наших исследований и работы над книгой *The Fate of the Romanovs*, сами не зная того, приложили руку и к этой книге, упростив нам доступ к важным собраниям документов и помогая в создании книги, о которой мы пока даже и не думали.

Мы хотим поблагодарить наших добрых друзей и членов общества Cold Harbor² за их высокоинтеллектуальные и часто горячие споры и беседы на темы, которые рассматриваются

² Колд Харбор – место в 16 километрах от Ричмонда, где состоялись два из крупнейших сражений Гражданской войны

в данной книге. Мы знаем, некоторые могут найти, что предложенный путь труден, но мы приложили все силы, чтобы сделать его максимально простым и комфортным.

Особую благодарность за исследования, щедрость в предоставлении сведений и ответы на бесчисленное множество вопросов мы выражаем Пэтту Барэму, Артуро Бичи, князю Давиду Чавчавадзе, Роберту Краучу, доктору Ричарду Дэйвису, куратору Русского архива Университета в Лидсе, Великобритания, Аннелис Доггером, покойному Джорджу Гиббсу, Джону Кодлу, Корайн Холл, Эндрю Хартсуку, Гретчин Хаскин, ДиЭнн Хофф, Джону Кендрику, Марлен Эилерс Кениг, покойному Джеймсу Блэйру Лавеллу, Лауре Мэби, профессору Сиду Мандельбауму, доктору Терри Мелтоу из «Майлотайпинг Текнолоджиз», Айлене Миллер, доктору Андре Менсенсу, профессору в отставке Университета в Ричмонде и Университета Миссури в Канзас-сити, Аннет Насон-Уотерс, Ульрике Нидер-Фаренхольц, Джулиану Ноту, Морису Филиппу Реми и всем его сотрудникам компании «МПР Производство» в Мюнхене, Грегу Риттенхаузу, Бернарду Раффину, доктору Штефану Зандкюлеру, Мэрилин Суэйзи, Алексу Утифлюгту, Катрине Варне, Френсису Уэлчу, Колину Уилсону, Дитмару Вульффу и Марион Винн.

В процессе работы над этой книгой особенно эффективной оказалась помощь нескольких преданных людей. Они безропотно читали и перечитывали целый ряд вариантов оригинальной рукописи, терпеливо продираясь через множество помарок и бессвязных вступлений, в ходе работы над которыми мы старались найти подходящую манеру изложения. Первый черновой вариант не вызывал ничего, кроме чувства смущения, однако мнение наших читателей, подтвердивших эту невысокую оценку, помогло нам переработать труды. Мы благодарим Джейнит Эштон, Лайзу Дэвидсон, Саймона Донахью, Дженин Ивэнс, Сьюзен Гриндстафф, Брайена Хорэна, Майка Пайлса, Дейвида Верналл-Даунса, а также Тима Уэлша и в особенности Сару Миллер, она – единственная, кто прочитал каждый из шести вариантов рукописи, и всякий раз ее мнение и советы творили настоящее чудо.

Мы благодарим компанию Alexander Palace Time Machine, (www.alexanderpalace.org/palace/) за прекрасные постеры. Благодарим всех друзей, а также тех, кто подвергал всестороннему анализу наши точки зрения и мнения, по мере того как они изменялись и развивались параллельно с нашим углублением в тему. Мало кто так хорошо знает о неофициальной стороне жизни семьи последнего русского императора, как Боб Этчисон и Роб Мошейн, и мы искренне благодарим их за длительную дружбу в сложных и иногда чреватых соперничеством обстоятельствах. Роб даже отложил свою работу, чтобы помочь в наших поисках, и давал нам те или иные сведения, даже тогда, когда его одолевали важные домашние заботы.

Пепси Нюнс помогла обеспечить финансирование большей части тех расследований, результаты которых нашли отражение на страницах этой книги, а покойная Марина Боткина-Швейцер и ее супруг Ричард Швейцер проявляли понимание даже тогда, когда обстоятельства выходили из-под контроля. Брайен Хорэн, юрист и историк, занимающийся делом Андерсон, был превосходным источником сведений, советчиком и помощником; он чутко реагировал на «звучание» той или иной теории и никогда не позволял предубеждению повлиять на свое мнение. Михаэль Фульда, внук Лили Ден, любезно согласился прочитать большие разделы рукописи и поделился с нами своими знаниями и фактами из истории своей семьи. Писатель и историк Роберт К. Мэсси передал нам ценные материалы, которые он собрал во время своего изучения дела Анны Андерсон. По нашей просьбе Дэвид Верналл-Даунс обеспечил нас такой массой редких книг и статей из старинных газет, которая обогатила наше повествование, а его самого сделала просто мечтой писателя. Доктор Майкл Кобл, который ранее работал в Лаборатории Вооруженных сил, занимающейся идентификацией родственников по результатам ДНК-анализа, а в настоящее время является судмедэкспертом Национального института стандартов и технологии в Гейтесберге, штат Мэриленд, провел новый генетический анализ

волос Анны Андерсон. Большую поддержку оказал нам Петер Курт, наш друг и биограф Анны Андерсон. Он охотно делился своим временем и знаниями даже в тех случаях, когда мы оказывались лицом к лицу с пугающей необходимостью признать, что содержание нашей книги развивается в неожиданном для нас направлении.

Летом 2000 года мы провели несколько недель в Лондоне, предприняв собственное расследование, в чем нам оказала неоценимую помощь писательница королевского двора Сью Вулменс, – мы просили ее устроить или званый обед, или какую-нибудь встречу. Именно Сью помогла нам организовать временный Центр Анны Андерсон. Она взяла напрокат копировальную технику и позаботилась о том, чтобы ее доставили нам на квартиру; она позаботилась, чтобы мы были обеспечены всем необходимым, и ящик за ящиком паковала книги, отыскивая их для нас и отправляя в Америку. В ходе оказания помощи паре писателей-энтузиастов, которых она никогда до этого не встречала, Сью, возможно, даже и не вспоминала о своих домашних заботах. Благодаря Сью мы в конечном счете получили возможность постучать в двери единственного и самого большого частного архива Анны Андерсон, владельцем которого является Йен Лилбэрн. Совсем не случайно мы сняли квартиру в каких-то четырех домах от лондонской резиденции Йена. Вооружившись копиром, мы каждый день носились туда и обратно, собирая необыкновенную коллекцию документов, которыми Йен щедро и охотно поделился с нами. Возможно, еще более важной деталью для нас оказалась необыкновенная память Йена. Он был единственным лицом, которое в шестидесятые годы двадцатого века посещало каждое заседание апелляционного суда в Гамбурге, и являлся как бы неофициальным членом группы юристов, выступавших на стороне Андерсон, поэтому его воспоминания делают его признанным экспертом в этом деле. Мы очень многим обязаны Йену Лилбэрну.

В заключение несколько слов о Дармштадте. Мы шлем слова благодарности Хейнеру Йерофски, директору Отдела печати и связи с общественностью, который предоставил нам неограниченный доступ к документам, собранным по делу Анны Андерсон в двадцатые годы двадцатого века в ходе расследования, проведенного по ее иску великим герцогом Эрнстом-Людвигом. Мы также благодарим князя Морица Гессенского, который столь любезно предоставил нам свободный доступ к материалам по делу Анны Андерсон, хранящимся в Государственном архиве в Дармштадте, включая семейные документы и письма личного характера. Работе в архиве в немалой степени способствовал и помогал удивительный и необычайно добрый человек, профессор, доктор Экхарт Франц. Начиная с того знаменательного лета 2000 года профессор Франц в качестве директора Государственного архива не просто помогал нам всякий раз, когда мы обращались к нему, но он делал это так, как нам и не снилось – мы могли получить консультацию по любому из документов, собранных за более чем пятьдесят лет, и снять копии с такого уникального собрания документов. Это стало неожиданным для нас подарком, сделанным семьей, которая поверила нам, хотя у нее были все основания относиться к нам с подозрением, в особенности после десятилетий, в течение которых многие из сторонников Андерсон в самом черном свете изображали великого герцога Гессенского Эрнста-Людвига. Надеемся, что эта книга поможет исправить хотя бы какую-то часть несправедливости, допущенной из-за одного из самых необычных мифов XX века.

Введение

В предутренние часы ночи на среду 17 июля 1918 года из подвала большого, богато украшенного особняка уральского города Екатеринбурга донеслись приглушенные звуки выстрелов. Двадцатью минутами позже из двора особняка выкатился, шумя мотором, грузовик, он проехал через спящий город и исчез в темном лесу, что рос по соседству. В кузове грузовика лежала, укрытая брезентом груда трупов, сваленная кое-как и залитая кровью. Это было все, что осталось от последнего русского императора, его семьи и четырех человек прислуги, казненных большевиками.

Тем утром пули положили конец 304-летней династии Романовых, которая правила Россией с 1613 года и до отречения царя Николая II в марте 1917 года. Однако в истории конец одной главы знаменует также начало другой главы, той, которая содержит новые мифы, скрывшие завесой тайны события той июльской ночи. Судьба великой княжны Анастасии, самой младшей дочери царя Николая II, стала величайшей и одной из самых больших, самых романтических тайн и самых долгоживущих загадок XX столетия. Она стала загадкой, поскольку в течение большей части этого столетия об останках Романовых не было никаких сведений, которые подтверждали бы факт смерти; существовали только слухи, что исполнители казни расчленили тела своих жертв, затем сожгли и залили останки кислотой. Она стала загадкой еще и благодаря настойчивым слухам, что той ночью одному или нескольким членам семьи Романовых, и в частности Анастасии, удалось каким-то образом избежать гибели, а также благодаря тому, что, когда в 1991 году под Екатеринбургом нашли общую могилу Романовых, точного расположения которой до этого не знал никто, и провели эксгумацию, в ней не было найдено останков тринадцатилетнего наследника престола цесаревича Алексея, а также останков одной из его сестер, которые, по мнению американских судебно-медицинских экспертов, должны были принадлежать Анастасии. Кроме того, она стала загадкой также и потому, что в 1920 году измученная, изможденная и близкая к помешательству молодая женщина была спасена из одного из каналов Берлина, и позднее эта женщина заявила, что она является Анастасией.

Это была Анна Андерсон. Сделанное ею заявление облачило ее в мантию страдающего очарования и послужило олицетворением надвигающихся безумств двадцатого столетия, одновременно возрождая в памяти ушедшую в небытие империю великолепия и сословных привилегий. Андерсон была не первой и, конечно же, не будет последней в истории личностью, претендующей на королевские регалии, но претензии Андерсон уникальны тем, что они превратили ее в живую легенду. Книжки, журналы и газеты прилежно вели хронику ее приключений, предлагая миру современную сказку, в которой все ужасным образом пошло неправильно, сказку о несчастной принцессе, которой чудесным образом удалось уцелеть в ходе войны, революции и во время кровавой казни ее семьи, и все это только для того, чтобы ей было отказано в самом основном из всех человеческих прав, а именно в праве удостоверить свою личность. Великие герцоги и герцогини, принцы и принцессы, аристократы и придворные – они все оказались вовлеченными в мистерию, в которой сын выступал против матери, муж против жены и которая привела к глубокому расколу среди королевских семей, оставшихся в Европе. Актрисы Ингрид Бергман, Лили Пальмер, Джули Харрис, Эми Ирвинг и Мэг Райэн изобразили ее на экране и дали ей голос, превратив самого малозначимого ребенка из всех детей Николая и Александры в самую знаменитую из всех русских княжон, создав легенду, столь поражающую воображение, что она продолжает существовать и сегодня. Даже президент Джон Ф. Кеннеди оказался настолько очарован этой легендой, что однажды на официальном обеде в Белом доме он, завладев вниманием двоюродной сестры настоящей Анастасии, донимал ее расспросами в течение долгого времени. Претензии Андерсон и судьба Анастасии, как сказал президент

США, являются «единственной стороной русской истории», которую он считает представляющей интерес {1}.

Слухи о том, что Анастасия чудесным образом уцелела во время ужасной бойни, устроенной в Екатеринбурге, пронесли над миром, уже израненным десятилетием трагедий, которыми был отмечен уходящий порядок вещей: гибель «Титаника», ужасы Первой мировой войны, падение династий, большевистская революция и угроза коммунизма. Но как бы то ни было невероятно, данные слухи взывали к оптимизму, естественному для человека, к надежде, что пули большевиков каким-то чудесным образом не смогли убить всех членов царской семьи. То, что данное обстоятельство в течение десятилетий владело вниманием всего мира, несомненно, было в чем-то обязано практически бесконечному в своих масштабах пространству сословных прав и преимуществ, которое до 1917 года было миром Романовых. В этой эпической саге, от которой захватывает дух, общество открыло для себя драму с коллизиями сказочных пропорций: сверкающее блеском потерянное царство, драматическая история любви Николая и Александры, страдающий гемофилией юный наследник престола, которому не суждено править, четыре красавицы-дочери в ниспадающих свободными складками белых платьях и изящных шляпах, которые застыли навечно в тревожащих душу фотографиях и в мелькании кадров кинохроники; крестьянин Распутин, который сыграл роль злого гения, шумная и буйная революция, кровавое и зверское массовое убийство и бывшая царствующая семья, разбросанная войной и пытающаяся приспособиться к незнакомому им миру. Та фантазмагория, которая родилась после заявления Андерсон, объединила в себе романтизм увядающей эпохи короля Эдуарда VII с мученичеством современной эпохи, а также греческую трагедию и обычную сказку, вознося область существования беспристрастного факта до уровня, где он становится легендой.

До революции Анастасия была просто княжной, жизнь которой протекала за надежными стенами дворцов; предположительная смерть Анастасии в 1918 году облекла ее в покровы мученика, жертвы, погибшей от рук большевистского режима. Однако та Анастасия, которой удалось выжить, представляла собой и фактически, и фигурально некую точку опоры для монархистских надежд и настроений, и в особенности того множества не расставшихся с надеждой эмигрантов, которые после революции бежали из России.

Заявление Андерсон было услышано аудиторией, состоявшей из людей, изломанных переворотом и лишениями, потерей семей, потерей положения в обществе, потерей богатств и потерей своей страны, то есть тех самых составляющих, которые нашли столь яркое отражение в ее рассказе. И те, кто поверил Андерсон, и те, кто отказал ей в доверии, сделали это по многим причинам, но каждого из них не могли не затронуть драматические события в России. Те, кто поддержал ее, пришли к своему убеждению, исполненные надежды, и смотрели на нее глазами, полными ностальгических слез; большинство противной стороны отрицало саму вероятность того, что эта больная и психически неуравновешенная женщина может быть княжной Анастасией, и отказывало ей в доверии, исходя из предположения, что для кого бы то ни было просто невозможно уцелеть под огнем расстрельной команды большевиков. В полемике вокруг дела Андерсон нашли отражение споры среди уцелевших Романовых, королевских семей Европы, эмигрантов и во всем мире в целом, и целью их было отыскать смысл в этой труднодостижимой трагедии, найти в хаосе войны и революции хоть какой-то проблеск надежды, хоть какой-то намек на милосердие, хоть какое-то доказательство того, что доброта по-прежнему встает над горизонтом нового дня.

Надежда на чудесное спасение от смерти в Екатеринбурге отвечала данной психологической потребности. Анна Андерсон появилась на сцене, когда эмоциональное состояние общества питалось только слухами и мало что было известно. Молчание советского руководства и тот факт, что следствию так и не удалось найти останков кого-либо из Романовых, а также непрекращающиеся слухи о бегстве и спасении последних, послужили на пользу Андерсон,

они слились в единый убедительный довод, который окружил ее некоей аурой достоверности. На протяжении двадцатого столетия в распоряжении истории были только теоретические предположения о том, какая участь постигла тела царской семьи, и, как показало время, в большей части своей ошибочные. В противоречивых сообщениях, подхваченных и повторенных офицерами, иностранными дипломатами и журналистами, говорилось, что Романовы были эвакуированы из Екатеринбурга то ли в Польшу, то ли в Германию, то ли в Ватикан или на Дальний Восток; говорилось, что Александра и ее дочери скрывались в дальних монастырях или находились в плену в Сибири. Рассказы тех, кто считал, что Романовых убили, зачастую были не менее нелепы, включая слухи о том, что отрубленная голова Николая II выставлена на всеобщее обозрение под стеклом в Кремле. Скудость фактов и отсутствие конкретных свидетельств позволяли воображению создавать чудовищные фантазии. Если за всю свою жизнь Анна Андерсон и те, кто поддерживал ее, так и не смогли убедительно доказать, что последняя является княжной Анастасией, точно так же и ее противники не смогли доказать, что она не та, за кого себя выдает. Для всего мира, сторонников и противников одинаково поддержка или отрицание права Андерсон на подачу иска строились в меньшей степени на свидетельских показаниях, нежели чем на субъективных и неосязаемых личных воззрениях.

Возможно, что на некоторых из эмигрантов данная история произвела столь сильное впечатление, потому что она отражает не только мистическую веру в чудо, характерную для православной церкви, но также события из русской истории. Страницы истории России буквально пересыпаны таинственными самозванцами и сказками об избежавших гибели владыках и наследниках престола, что отнюдь не характерно для Западной Европы. В начале семнадцатого столетия три человека в быстрой последовательности шли на смену друг другу, и каждый из них заявлял, что он является царевичем Дмитрием, самым младшим сыном Ивана Грозного. В 1591 году девятилетний Дмитрий умер, находясь под домашним арестом в Угличе. И хотя официально было заявлено, что он нечаянно нанес удар себе в горло, играя с ножом, многие считали, что это Борис Годунов, сестра которого была замужем за его старшим братом царем Федором Иоанновичем, бывшим фактически правителем государства, отдал приказ убить малолетнего царевича, чтобы расчистить себе дорогу к трону. И вскоре поползли слухи, что Дмитрий, опасаясь за жизнь, инсценировал свою смерть, а сам бежал, чтобы, выждав момент, вернуться и возглавить страну.

Первый из Лжедмитриев, такое прозвище получили несколько самозванцев, возник в 1600 году, через два года после того, как Борис Годунов был провозглашен царем. Этот самозванец, примерно того же возраста, что и Дмитрий и предположительно похожий на считавшегося мертвым царевича, утверждал, что его мать, желая обеспечить безопасность своего сына, укрыла его в некоем удаленном монастыре. Годунов разоблачил самозванца, объявив, что на самом деле это – молодой монах Григорий Отрепьев, и отдал приказ арестовать его, однако князь-самозванец бежал в Польшу. Несколькими годами позже этот самозванный Дмитрий, поддержанный правящими кругами Польши и Литвы, встал во главе армии, которая вторглась в Россию. В 1605 году Годунов умер; в ходе последовавшей вслед за этим Смуты тогдашние русские правящие круги в лице обладавших большим влиянием бояр убили сына Бориса Годунова и приняли присягу на верность захватчику, провозгласив его царем Дмитрием IV. Патриарх Московский, используя в качестве довода якобы тесное знакомство с правилами поведения при дворе царя, продемонстрированное молодым человеком, а также его царственную осанку, благословил его на царство, и даже мать настоящего Дмитрия заключила самозванца в объятия как своего сына. Однако новый царь быстро удалил от себя тех, кто его ранее поддержал; его попытки лишить бояр их властных полномочий подорвали их верность новому царю, а брак Дмитрия с польской католичкой Мариной Мнишек возмутил православную Московию. В 1606 году он был свергнут с престола и убит, тело его сожгли, прах зарядили в пушку и выстрелили им на запад, в сторону Польши.

Второй Лжедмитрий объявился годом позже. Кажется, он был сыном священника и подобно своему предшественнику производил на тех, с кем встречался, глубокое впечатление своим знанием жизни при дворе. В силу воистину причудливого поворота событий Марина Мнишек, вдова первого Лжедмитрия, тут же признала во втором своего мертвого мужа, даже несмотря на то что мужчины не имели никакого сходства между собой. Финансируемый польскими и литовскими магнатами, этот новый Дмитрий, набрав войско из недовольных своим положением крестьян и из казаков, осадил Москву. Когда осада провалилась, а его иностранные наемники взбунтовались, Дмитрий, а вместе с ним и Марина, бежал в город Кострому, где в декабре 1610 года он был убит кем-то из его охраны. Не прошло и четырех месяцев, как на сцену вышел третий и последний Лжедмитрий, и он при поддержке казачьих войск провозгласил себя царем в марте 1612 года. К этому времени, однако, русским надоели все эти хитросплетения, и самый последний из всех Дмитриев был схвачен и казнен. Потребовался один год, чтобы Русское государство окончательно избавилось от междоусобицы, это произошло, когда ряд бояр предложили венчать на царство внучатого племянника Ивана Грозного по материнской линии. В июле 1613 года шестнадцатилетнего юношу возвели на трон, он и стал царем Михаилом. Тем самым было положено начало династии, которая правила страной вплоть до отречения Николая II в 1917 году.

Спустя более чем сто лет Екатерине Великой, которая взошла на трон после переворота, в результате которого был отрешен от власти и затем убит ее муж Петр III, пришлось столкнуться с двумя самозванцами. В 1772 году в Париже появилась молодая женщина, которую звали Елизавета Тараканова. Она утверждала, что она – тайная дочь тетки Петра III, императрицы Елизаветы. Обеспокоенная тем, что Тараканова приобретает все большую известность, Екатерина направила к ней Алексея Орлова, своего фаворита и одного из тех, кто участвовал в убийстве Петра III, с заданием соблазнить Тараканову и похитить ее. Арестованная в Италии, Тараканова была доставлена в Россию, но здесь она умерла в тюрьме еще до начала судебного процесса.

Дело Таракановой не вызвало особых волнений среди посвященных в него из числа правящей элиты Петербурга, однако того же нельзя сказать о Емельяне Пугачеве. Сын донского казака, Пугачев поднялся на волне недовольства крестьян, охватившего всю Россию, и в 1773 году он объявил себя царем Петром III, чудесным образом спасшимся от кровавых козней своей злобной «жены». Хотя Пугачев совершенно не был похож на убитого императора и являлся фактически безграмотным, он смог собрать по берегам своей родной Волги огромное количество последователей среди крестьян, казаков, духовенства и православных сектантов-раскольников, известных как староверы. Не встречая сопротивления, его постоянно растущая армия проносилась по окраинным областям России, наводя ужас на противника и обещая в качестве награды земли, деньги и свободу, тем, кто поддержал его усилия. Для борьбы с ним Екатерина направила карательные войска, и после нескольких серьезных поражений Пугачева выдали его собственные соратники. Отвезенный в клетке в Москву, он на следующий год был публично казнен через четвертование {2}.

И это пристрастие к загадкам, эта склонность к таинству заявили о себе в начале девятнадцатого века, повторившись в виде рассказа о Феодоре Кузьмиче. В 1836 году, одиннадцать лет спустя после внезапной смерти императора-фаталиста Александра I, в Сибири объявился странствующий по святым местам паломник, которого называли Кузьмич. Как утверждают очевидцы, он обладал удивительными познаниями о Екатерине Великой, о жизни императорского двора, о делах политических и о войне 1812 года с Наполеоном. Такие знания, как говорят, в огромной степени превосходили те, которыми мог обладать обычный крестьянин. Если верить рассказам, время от времени в его избушку приносили письма, посланные из императорского двора, и кроме того, даже незадолго до смерти, случившейся в 1864 году, его навещали важные персоны из Санкт-Петербурга. Из уст в уста передавались слухи, что на самом

деле Кузьмич являлся царем Александром I, которого утомила ипостась самодержца, и он принял решение инсценировать смерть, чтобы сойти с престола. После того как, по уверениям некоторых, была вскрыта и найдена пустой гробница царя Александра I, на базе всех этих слухов родилась целая легенда {3}.

Все эти истории имеют до удивления много общего с историей Анны Андерсон. Факт смерти отрицался, тела усопших не удавалось обнаружить, и их окончательная судьба скрывает завеса происков и интриг. Стройная система доказательств отсутствует, что дает право на существование взаимоисключающим версиям, которые представляются убедительными как для тех, кто выступает за, так и для тех, кто против. Зачастую излишне большое внимание придавалось аристократичным манерам и поведению, в то время как объявляемое знание сокровенных фактов обеспечивало подобного рода утверждениям своеобразный налет правдоподобия. Несмотря на множественные трудности, которые возникали с их появлением, сомнительные «опознания» часто расценивались как прямое свидетельство, а на вопросы, которые порождают сомнения, часто не обращали внимания.

В отличие от своих предшественников Анна Андерсон имела то преимущество, что она вышла на сцену и ее дело возникло тогда, когда оно смогло получить мировой резонанс благодаря журналам, книгам, кинохронике, а также художественным и документальным фильмам. Родилась легенда, сложный многоплановый миф, который нес в себе и ностальгию, и сентиментальные воспоминания, и романтические надежды, – миф, который давал пищу воображению. Эта легенда стала настолько распространенной и всеохватной, что превратилась в часть истории и культуры XX столетия. «Кто бы она ни была, – писал один из родственников Романовых, – Анна Андерсон не являлась просто самозванкой» {4}. И это действительно так. Даже тем, кто отказывал ей в удовлетворении иска, пришлось признать, что в Анне Андерсон было нечто особенное. Анастасия или не Анастасия, но ей удалось добиться чего-то действительно сверхъестественного: из всех претендентов на право принадлежать к царской фамилии она одна превратилась в почти неотъемлемую часть истории династии Романовых, стала тенью, которой суждено навечно сопровождать повесть о Николае II и Александре и самой по себе приобрести значение фигуры исторической важности.

И в отличие от других претендентов, что появлялись и исчезали, возникая в блеске взрыва интереса со стороны общественности и только для того, чтобы оказаться разоблаченными как глупые мошенники, Андерсон предстает действительной загадкой. Далеко не намеренная исчезать во мраке забвения, она становится знаменитой, бескомпромиссная настойчивость, длительность периода, в течение которого она подает свои иски, придают ее делу особую ауру вероятной достоверности. Начиная с осени 1921 года, когда она впервые заявила, что является княжной Анастасией, и вплоть до смерти Андерсон в 1984 году, и даже и после нее, сказка об Анастасии отказывается умирать – современная сказка, действие которой разыгрывалось в мрачных палатах больниц и частных психиатрических клиник, на территории обширных поместий и древних замков по всей Германии и в Америке. Юридическая баталия, целью которой было доказать, что она является великой княжной, растянулась более чем на тридцать лет. Это – самый длительный судебный процесс в истории Германии, в него были вовлечены сотни свидетелей и исписаны тысячи страниц свидетельских показаний. Даже сами Романовы, а также королевские семейства Европы и бывшие члены царского двора признали ее как принцессу Анастасию. Очень впечатляющее количество свидетелей в ее пользу, для того чтобы просто признать Андерсон очевидной мошенницей.

Кажется, почти все говорит в пользу того, что очевидной мошенницей ее назвать никак нельзя. Вот что заставляет считать ее претензии столь интригующе вероятными: Андерсон имела такой же рост, что и миниатюрная Анастасия, и подобно Анастасии она страдала тем же

дефектом стопы, который у медиков называется *hallux valgus*³, и кроме того, нужно отметить ее глаза – «незабываемые серо-голубые глаза», как об этом написал один из тех, кто поддерживал Андерсон, они так были похожи на глаза Николая II {5}. Как об этом говорится в ее исковом заявлении, когда Андерсон была вытащена из берлинского канала, ее тело покрывало «множество рваных ран» и многочисленные шрамы, включая сквозную треугольную в плане рану на правой ноге, рану, которая, как утверждается, имеет точно ту же форму, что и сечение штыков, которыми воевали большевики во время Гражданской войны в России⁴. Как настаивают, те, кто выступал в пользу Анны, это – немой свидетель ужасных ран, полученных ею в ходе екатеринбургской резни {6}. Ну какой самозванец может рассчитывать на такую степень везения?

Или взять, например, языки – убедительное и, если верить очевидцам, не оставляющее почвы для возражений свидетельство того, что Андерсон на самом деле была Анастасией. Она, как правило, отказывалась говорить на русском языке, но совершенно очевидно, что она понимала его; помимо этого, разговаривая во сне, она, как сказал один доктор, произносила фразы «с хорошим произношением» и ее голос передавал «типично русский акцент» {7}. Говорили, что княгиня Ксения Георгиевна, двоюродная сестра Анастасии, которая верила, что Андерсон на самом деле являлась великой княжной, называла ее произношение «вполне русским, если сравнивать его с тем, как говорили в обществе Санкт-Петербурга» {8}. Находясь под наркозом, заявляют очевидцы, она «бредила на английском языке», и при этом, по словам одной дамы, «это был чистейший и совершенно правильный английский язык» {9}. И, как это засвидетельствовал один журналист, «ее французский был безукоризненным» {10}. Если бы она являлась самозванкой, указывали те, кто был на ее стороне, ей пришлось бы быть очень хорошо подготовленной самозванкой, чтобы владеть таким лингвистическим багажом.

Ну как может самозванка, задавались вопросом люди, собрать такое количество сведений о самых глубоко скрытых сторонах жизни Анастасии? Разве самозванец будет, подобно Андерсон, знать достаточно большое количество обыденных фактов из жизни раненых офицеров, которые поступали на излечение в госпиталь Анастасии в Царском Селе, и знать настолько точно, чтобы не просто отвечать на вопросы и не только давать точный ответ, но и исправлять неточности, намеренно введенные в задаваемый вопрос, и, что особо впечатляет, вспомнить прозвище, которое великая княжна однажды даровала какому-то неизвестному полковнику? {11} Станет ли самозванец проливать слезы умиления, как, по утверждению очевидцев это сделала Андерсон, услышав мало кому известный вальс, который когда-то играли для великой княжны? {12} И будет ли она настолько хорошо знать все сложности этикета при дворе императора, чтобы ни разу не сделать ни одной ошибки в поведении, не допустить ни одного промаха в манерах? А также убедить экспертов-антропологов? Или специалистов-почерковедов? И подобные вопросы вставали один за другим, образуя цепь тех маловероятных совпадений, если их можно так назвать, которыми пересыпано исковое дело Андерсон и которые подняли ее от малозначительной самозванки до возможного, до вероятного и даже до очевидного, как утверждают некоторые, титула великой княжны.

Подобный перечень подтверждающих фактов достигает максимума к моменту состоявшейся в октябре 1925 года встречи Андерсон с великой княгиней Ольгой Александровной, любимой теткой Анастасии. Через три дня Ольга уехала из Берлина, уехала, как это сказано одним из тех, кто поддержал иск Андерсон, со словами, игнорировать которые невозможно: «Мой разум не позволяет мне считать ее Анастасией, но мое сердце говорит мне, что это она. И поскольку я воспитана в вере, которая учила меня следовать велению сердца, а не диктату разума, я не могу бросить это несчастное дитя на произвол судьбы» {13}. И она писала ей

³ Отклонение в положении большого пальца стопы, при котором он лежит либо над, либо под другими пальцами. – Прим. пер.

⁴ Трехлинейная винтовка образца 1891 года – основное стрелковое оружие России и до, и после Гражданской войны – комплектовалась только четырехгранным граненым штыком. – Прим. пер.

об этом в письмах, и одно из них содержало обещание: «Ты теперь не одна, и мы не оставим тебя» {14}.

Разве все это не было убедительным и не оставляющим места для сомнений доводом? Создается впечатление, что содержание иска Анны Андерсон и те легенды, что выросли вокруг него, легенды, благодаря которым родилось бесконечное количество книг и кинофильмов, являются настолько веским доводом в ее пользу, что просто представлялось невозможным принимать в расчет возражения и доводы родственников Романовых и бывших придворных, которые отрицали возможность того, что последняя является Анастасией. В шестидесятые годы прошлого века, в разгар судебной баталии по ее иску юристы Андерсон успешно оспорили ранее вынесенное решение, обвинив германский судебный трибунал в использовании двойных стандартов при вынесении решения, а именно: показания тех, кто выступал против Андерсон, или настаивал на том, что Анастасия была убита в 1918 году, принимались за данность; однако те, кто поддерживал истицу или подвергал сомнению факт массового убийства в Екатеринбурге, воспринимались с большим недоверием. Однако за пределами судебных палат все воспринималось совершенно иначе: настолько привлекательна была эта сказка, настолько убедительным выглядело сочувственное освещение ее дела, что, и это почти по всему миру, именно оппонентам Андерсон приходилось оправдываться перед историей и объяснять снова и снова, и часто не особенно успешно, почему они не верят, что она может быть Анастасией. Именно так дело Андерсон воспринималось общественным мнением, именно так оно обыгрывалось средствами массовой информации двадцатого века. И это именно то, чему отдавала предпочтение публика: люди в гораздо большей степени были заинтересованы в том, чтобы Андерсон оказалась Анастасией, чем в выслушивании нудных и скучных аргументов, которые бросают вызов такой захватывающе интересной драме из нравов современной жизни.

Кто-то может спросить: кому нужна еще одна книга об Анне Андерсон? Что тут можно сказать еще? Ее дело отражено в огромном количестве документов; проблема заключается в том, что очень малое количество этих документов когда-либо предъявлялось общественному вниманию. К сожалению, то, что попадало на глаза общественности, если попадало вообще, было неполным, зачастую подобранным и выпущенным в свет избирательно с целью поддержать вымысел. Это все, что нам удалось обнаружить, когда мы приступили к настоящему исследованию, к исследованию, которое началось много лет назад, имея в своей основе простое любопытство, и которое в конце концов привело нас от журналов и книг в ящики с папками и юридическими документами, до предела заполненные ранее неизвестными и не нашедшими освещения деталями. И среди этих документов мы нашли нечто из ряда вон выходящее: десятилетия искажения фактов, десятилетия подлогов и откровенной лжи, неразберихи, в которой намеренный обман был перемешан с непредвзвешенными ошибками, сбиваясь в одно целое, которое и усложняло, и без конца повторялось в истории рассмотрения данного дела. Данное утверждение не служит тому, чтобы огульно вынести обвинительный приговор тем, кто писал историю Андерсон; многие из них, не задаваясь вопросами, просто не подвергали сомнению правдивость того, что было записано в исходном протоколе, – в протоколе, составленном, сочиненном и опубликованном теми, кто больше других поддержал ее иск, теми, кто искренне верил, что она являлась Анастасией. К сожалению для истории, и для истории иска Андерсон, многое из того, что предлагалось принять на веру общественному мнению, оказалось просто ошибочным.

Настоящая история иска Анны Андерсон не рассказывалась никогда. Это та история, которую нам хотелось бы рассказать, но это же и та история, которую в первую очередь мы должны были понять сами, – понять, что было представлено в качестве доказательств, понять, как ее дело превратилось в легенду, как случилось так, что люди поверили в эту легенду, и почему они *нуждались* в том, чтобы верить в нее, и наконец, выяснить, кто была Анна Андерсон. И мы в конце концов нашли ответы на эти, а также на сотни других вопросов, что в тече-

ние десятилетий тормозили ход дела, тех вопросов, что и сегодня остаются в повестке дня в качестве не оставляющих в покое противоречий и производящих впечатление серьезных возражений в адрес ее противников. Полученные ответы удивляли, иногда просто шокировали, они заставили нас по-новому посмотреть на практически все, что, как мы думали, было нам известно, практически все то, что мы (и история) считали истиной в данном деле. Читатели, знакомые с сутью дела, могут отнестись к нашим доводам скептически, но им следует знать, что мы имели возможность подтвердить документально обоснованность всего того, что вплоть до последнего времени рассматривалось всегда, во всяком случае в обычных отчетах о деле Андерсон, как сведения, полученные из ненадежных или сомнительных источников: расследование 1927 года, посвященное установлению личности Анны, которое было профинансировано дядей Анастасии, великим герцогом Эрнстом Людвигом, и которое получило освещение на страницах одной берлинской газеты со слов свидетельницы, взявшей деньги за свои показания, оказались гораздо более убедительными и точными, чем они обычно считались. В то же время Пьер Жильяр, домашний учитель при семье императора и человек, известный своей дурной репутацией отъявленного лжеца, оказался, правда с одним примечательным исключением, одним из самых надежных свидетелей в этом повествовании. Подобного рода открытия означают не только переоценку всего дела, но также и новый пересмотр дела, начиная с чистого листа, с тем чтобы попытаться внести исправление в документы истории и хоть на дюйм придвинуться ближе к правде, разрушающей старые представления.

Ту правду было проще искать, в данном случае «проще» – это понятие сугубо относительное, если вернуться к исходным заявлениям, письменным обращениям в суд, письменным показаниям под присягой, записям в дневниках, письмам и отчетам – тем документам, которые в течение десятилетий переплелись друг с другом, создав этот самый сложный из всех современных мифов. Для этой цели нужно было частым гребнем пройти по тысячам страниц документов на русском, немецком, французском и английском языках. Это невыразимо трудная задача, решение которой потребовало десяти лет терпеливой проработки сюжета, анализа сомнительных утверждений и поиска выхода из тупиковых направлений расследования. Летом 2000 года мы провели несколько недель в Лондоне, работая в тесном сотрудничестве с Йеном Лилбэрном, признанным авторитетом в деле Андерсон и единственным лицом, которое в 60-е годы прошлого века посещало каждое заседание апелляционного суда Германии. Мы сняли квартиру в доме, смежном с его домом, и благодаря помощи придворной писательницы Сью Вулменс установили в ней копировальную установку и доставили кипы бумаги; день за днем Йен Лилбэрн делился с нами и своими воспоминаниями, и своей обширной коллекцией документов. Его щедрость в значительной степени упростила нашу работу. У нас дома в Америке Питер Курт, биограф Андерсон, дополнил бесчисленным количеством коробок с документами из его собственных архивов нашу растущую коллекцию собранных материалов. Однако настоящая удача пришла к нам с совершенно неожиданной стороны, а именно из Государственного архива в Дармштадте. Семейство герцогов Гессенских, включая великого герцога Эрнста Людвига, бескомпромиссно выступало против иска Андерсон; после смерти великого герцога его сын, принц Людвиг, добровольно взял на себя роль соответчика, когда последняя предъявила иск в Германии с требованием официального признания. Собиравшаяся десятилетиями дармштадтская коллекция представляет собой удивительное собрание документов – писем, докладов, заявлений, показаний под присягой, медицинских свидетельств и важных доказательств, – и мы были первыми историками, которые получили допуск в этот уникальный архив. В этом деле, десятилетиями вызывающем незатухающий общественный интерес и, в том числе на международном уровне, это собрание представляло собой потрясающий, до изумления глубокий и неисчерпаемо полный клад сокровищ, мечту историка и тот источник сведений, который позволил нам вести свое расследование такими путями, что постоянно бросали вызов

и нашим собственным взглядам, и тому мифу, который получил право на существование в качестве искового заявления.

Мы изо всех сил старались обратиться к тем вопросам дела Андерсон, которые представляют наибольшую сложность, но мы полностью признаем, что, как это по большей части бывает в истории, некоторые стороны ее иска, вероятно, останутся неизвестными навсегда, и в 1984 году, когда Андерсон умерла, многие из ее секретов она унесла с собой в могилу. В некоторых случаях нам удалось найти ответы на поставленные вопросы, в других возможные объяснения остаются смутными или же они оказываются настолько глубоко похороненными под непробиваемыми слоями противоречивых утверждений, что, наверное, никто не сможет разобраться в них. Мы позаботились о том, чтобы все было подтверждено документально, и мы никогда не принимали за факт какое-то одиночное мнение, за исключением тех случаев, когда оно подтверждалось другими фактами, и мы также всегда старались довести до минимума гипотетические умозаключения. Но двигаясь по этому пути, мы узнали, что многое из того, что мы, и возможно большинство читателей, принимали за доказанные факты в деле Андерсон, на самом деле покоится на ошибочных и ненадежных сведениях. Наверное, эта книга способна разрушить сложившиеся представления о ее деле, но она делает это на основании тех письменных документов, которые оставались неизвестными в течение слишком долгого времени.

И в заключение нужно сказать, что здесь рассказывается, как возникал миф, это история создания современной легенды, рассказ о том, как люди хотели верить, что Андерсон на самом деле является Анастасией, а также о том, как судьба и цепь совпадений сошлись на одной из самых необычных личностей двадцатого столетия. Дело не в приговоре истории, вынесенном Анне Андерсон, и не в вопросе о ее принадлежности к роду Романовых; здесь несомненно одно: одна была удивительной женщиной, женщиной исключительного таланта и необыкновенного очарования, которое наделяло ее такой аурой правдоподобия, что мир не мог не обращать на него внимания. Когда в 1920 году Андерсон шагнула с берлинского моста на страницы истории, она заложила фундамент настолько захватывающей современной сказки, что стала героиней бесчисленного количества газетных и журнальных статей, а также книг, фильмов, карикатур и была повторена во множестве кукол. Все они – не что иное, как немые свидетельства терзающей власти ее истории жизни, полной загадок. Это женщина, которая живет на страницах настоящей книги, она не уходит со страниц истории, это призрак из давно исчезнувшего мира, та, кто и после смерти, равно как и при жизни, служит причиной горячих споров, та, роль которой в истории Николая и Александры не может быть преуменьшена.

Часть первая: Анастасия

1

«Боже, какое разочарование!»

В самый пик сезона знаменитых белых ночей Санкт-Петербурга, когда солнце лишь на несколько часов покидает столицу России, прогремел гром артиллерийских орудий. Продержавшись ничтожно малое время, ночь пришла и с приходом на землю рассвета ушла, оставив небо над безмятежно спящим Финским заливом омытым оттенками розового, голубого и жемчужного цветов. Вороны, встревоженные грохотом выстрелов, прокаркали северному утру свой протест; немногочисленные утренние путники, которые шли по дороге, что тянется вдоль высокой железной ограды, тоже услышали звук выстрелов и на мгновение остановились. По другую сторону этой ограды раскинулась загородная резиденция русских царей Петергоф. Там, на дорожках, обсаженных соснами, дубами и березами, несли вахту конные часовые в синих мундирах; они натягивали поводья, чтобы успокоить своих коней и заставить их слушаться, несмотря на шум. И к раскинувшейся во все стороны вилле в итальянском стиле, где с трех часов утра горел свет, по гравийной дорожке, что шла у самого края воды, видной сквозь заросли тростника, чуть покачивающегося от легкого ветра, прощуршали колеса экипажа.

Те, кто находился в покоях Нижнего дворца, так называлось это строение, уже знали то, что тем, кто был разбужен выстрелами пушек, салютовавших с расположенной неподалеку Кронштадтской военно-морской базы, еще не было известно: в шесть часов утра 18 июня 1901 года в семье Николая II, царя всея России, и его жены, императрицы Александры, родился четвертый ребенок. Когда прогремел 101 залп, люди затаили дыхание; грохот пушек могли слышать даже те, кто только что начал новый день в 32 километрах к востоку от Санкт-Петербурга. Вся Россия знала, что императрица вскоре должна родить, и после того как в семье императора родились три дочери: Ольга, появившаяся на свет в 1895 году, Татьяна – в 1897-м и Мария – в 1899 году, каждый раз надеялась на рождение сына, продолжателя династии Романовых. Его появление на свет было бы отмечено 300 орудийными залпами. Но тем утром 102 выстрела не последовало: императрица родила еще одну девочку.

«Боже мой, какое разочарование!» – услышав эту новость, записала в своем дневнике сестра Николая II, великая княгиня Ксения Александровна {1}. Эти слова отразили настроения, которые стали общими и внутри императорского семейства и по всей Российской империи. Однако если родители и были разочарованы, они тщательно скрывали свое разочарование. В своем дневнике Николай II написал только о «чувстве спокойствия» и отметил, что его супруга «совершенно не намерена унывать» {2}. Возможно, об этом не говорилось, однако оба родителя были очень хорошо осведомлены о законах престолонаследия. Император Павел, который ненавидел свою мать Екатерину Великую, издал указ, согласно которому особы женского пола могут унаследовать русский трон только после самого последнего из всех мужчин династии Романовых. Если у Николая и Александры не будет сына, корона Российской империи перейдет к брату царя – великому князю Михаилу Александровичу. Затем право на престол переходит к его дядьям и к их детям, затем к двоюродным дядям и двоюродным братьям, и только смерть всех этих сорока или около того родственников мужского пола позволит воспользоваться правом престолонаследия новой инфанте или ее сестрам.

Однако через двенадцать дней после появления на свет новорожденной, когда прекрасным летним утром был проведен обряд ее крещения со всей пышностью и следованием ритуалу, соответствующему рангу императорского высочества и титулу великой русской княжны,

высочайшая супружеская пара на время отложила эти заботы и волнения. Вереница ярко-красных и позолоченных экипажей, в которых восседали члены царской семьи и гости, проследовала через парк Петергофа вдоль рядов вытянувшегося в струнку почетного караула и мимо искрящихся в утреннем солнце фонтанов. За экипажами, соблюдая интервалы, проследовал почетный эскорт из одетых в алые мундиры казаков, а также из кавалергардов в белых кителях и золотисто-серебряных кирасах. В интервалах между их порядками проходили церемониальным маршем полковые оркестры и придворные во всем блеске своих орденов и высочайших наград. И наконец, после долгих ожиданий появилась золоченая карета, в которой везли новорожденную великую княжну; карета была запряжена шестью соловыми лошадьми, которых вели конюхи, одетые в алые с золотом ливреи, и их головы украшали напудренные парики. И лишь только родители не принимали участия в этом шествии: православная церковь запрещает участие родителей в этом торжественном ритуале {3}.

Когда процессия достигла Большого дворца Петергофа, длина фасада которого составляет 268 метров, ее появление было встречено фанфарным маршем. В самом дворце сотни аристократов и придворных заполнили пышно изукрашенные залы; кресты и звезды орденов сияли на атласе мундиров, бриллианты посылали свой блеск с серебристого шелка и бархата дамских платьев. Прислуга, камергеры, адъютанты и придворные дамы расчищали дорогу для камерфрау императрицы княгини Марии Голицыной; на руках у нее лежала новорожденная великая княжна, которую, шествуя по красной ковровой дорожке, она несла в дворцовую церковь. Когда на хорах запели канон и аромат ладана вместе с дымом вознесся под золоченый купол церкви, отец Иоанн Янышев, духовник царского семейства, поднял младенца с подушки, снял кружевную крестильную рубашку, а затем трижды окунул девочку в купель {4}. Как будто заглянув неосознанно для самих себя в ее будущее, Николай и Александра дали своей новорожденной дочери имя, которое переводится как «Воскрешение», и она была крещена Анастасией.

«В некотором царстве...» – так начинается большинство сказок. Для Анастасии сказка началась с описанной выше пышной церемонии, вобравшей в себя великолепие сословных привилегий русского двора. Связанная где кровными, а где семейными узами с королевскими дворами Великобритании, Дании, Германии, Испании и Греции, она была рождена для жизни в мире изысканных дворцов, среди ливрейных слуг и сияющих золотыми эполетами придворных, для роскошных яхт; для жизни с любящими родителями, в окружении преданной семьи, то есть всего того, что необходимо, чтобы прожить, как и положено, достойную, греющую душу жизнь. Для Анастасии, однако, такой счастливый конец уготован не был, ее сказка получила трагически страшное завершение, война и революция разбили в прах все сказочные надежды и обещания. На месте той сказки возникла новая, та, которая придала новое звучание смыслу, заложенному в ее имени; сказка, в которой надежда с триумфом побеждает отчаяние и желание жить взлетает над ужасной действительностью. Утверждают, что даже принц Шарман⁵ пришел, чтобы спасти Анастасию. Все это слилось в одно целое, чтобы создать новый миф, современную легенду, новую сказку, которая, кажется, во все свои драмы заключила все безумства двадцатого века.

Оглядываясь на события более чем столетней давности, трудно представить себе роскошь той жизни, которая была уготована Анастасии. Почти варварская, византийская роскошь имперского двора наделяла ее жизнь всеми элементами фантазии, что обязательны для любой хорошей сказки. Вне всякого сомнения, Николай II был богатейшим монархом Европы. Он единолично правил одной шестой частью суши земного шара, ни перед кем не отчитываясь в своих действиях. Не довольствуясь одним, он владел более чем тридцатью дворцами; императорские резиденции находились в Финляндии, Польше и в Крыму; в его распоряжении были

⁵ Герой сказки Перро «Золушка». – Прим. пер.

необъятные запасы леса и полезных ископаемых Сибири и Кавказа, он имел пять яхт и два личных поезда, а также сотни лошадей, экипажи и новинка того времени – автомобили. Его счета, на которых хранились золотые слитки, были размещены в банках Москвы, Лондона и Берлина; он собрал тысячи произведений искусства, включая особо ценные полотна Ван Дейка, Рафаэля, Тициана и Леонардо да Винчи, а также короны, диадемы, ожерелья и целые сокровищницы драгоценных камней, а также бесценную коллекцию ювелирных украшений и пасхальные яйца работы прославленного ювелира К. Фаберже. Обслуживаемые целой армией поваров, горничных, ливрейных лакеев, дворецких, садовников, шоферов, плотников, кучеров и слуг, всячески опекаемые придворными и защищенные тысячами солдат и полицейских, Романовы не нуждались ни в чем.

И по крайней мере в начале правления Николая II многие надеялись, что он будет править Россией взвешенно и осторожно в соответствии со своим спокойным характером, что он будет мудро и дальновидно прокладывать свой курс по никому еще неизвестным водам и течениям начала двадцатого столетия. Когда в 1894 году он взошел на трон вслед за преждевременной смертью своего отца Александра III, Николай II, восемнадцатый правитель из династии Романовых, среди которых были такие гигантские фигуры, как Петр Великий и Екатерина Великая, был молод, красив и необыкновенно хорошо воспитан. Доставшаяся ему страна была отсталой, и она уже изнемогала под тяжестью требований и задач нового времени. Подавляющее большинство подданных императора были крестьяне, верные ему, но безграмотные, и все их силы уходили только на то, чтобы выжить; кроме них еще были рабочие, тысячи несчастных людей, которые в нечеловеческих условиях трудились за гроши на крупных промышленных предприятиях. Тонкая прослойка разночинцев создала интеллигенцию; она послала своих сыновей в университеты, где они легко нашли близких им по духу товарищей, каждый из которых прошел собственную суровую школу тягот и лишений. И на самой вершине сословной пирамиды страны, отделенная от других сословий и роскошью, и языковым барьером, надежно защищенная своими привилегиями, располагалась элита, которая чаще была озабочена поисками удовольствий, нежели чем заботой о процветании страны, а именно: высшее сословие из числа военных, чиновничества, духовенства Русской православной церкви, а также придворных, аристократии и самого царского семейства, наконец. Нет сомнения, многие считали, что такая система была обречена. Древние принципы самодержавия, которые были унаследованы царем Николаем II, сохранялись только за счет индивидуальных качеств личности, а также благодаря незыблемому следованию традиции, согласно которой император, и только император, несет ответственность перед самим собой и перед богом за положение дел в этом гигантском котле, где вскипало недовольство.

Но к этому времени застенчивый, деликатный и вежливый Николай II сделал нечто такое, что совершенно смутило тех, кто надеялся, что такой образованный и воспитанный в духе времени молодой человек признает невозможность продолжать управление страной с позиций самовластья. Всего лишь через несколько месяцев после восшествия на престол он недвусмысленно дал понять, что никогда не будет делиться властью с какими бы то ни было выборными институтами управления и что темп проведения всех ожидаемых реформ будет очень и очень медленным. Уверовав в то, что он является помазанником Божиим, которому сам бог велел править страной, согласуясь только со своей совестью, Николай II видел себя царем-батюшкой, отцом русского народа, благожелательным и всезнающим педагогом-наставником, который неожиданно для себя оказался в классе с непослушными учениками, где для наведения порядка потребуются и его плеть, и его мудрость. Честолюбивые замыслы пришли в конфликт с действительностью, и с началом двадцатого столетия требования провести реформы стали все более и более настойчивыми, особенно в силу того, что страну несло от одной катастрофы к другой: министры и чиновники царя оказались неспособными справиться с растущим революционным движением, Русско-японская война завершилась унижительным пораже-

нием, мятежи вспыхивали в солдатских казармах и во флотских экипажах, крестьяне грабили и жгли усадьбы, и то тут, то там происходили еврейские погромы, зачастую с молчаливого и тайного одобрения правительства. К 1905 году забастовки и смута парализовали страну. Оказавшись лицом к лицу со всеобщим недовольством, Николай II вынужден был уступить давлению и объявил о создании парламента – Думы. Эта уступка скорее была вырвана с боем, нежели чем дарована, и Николай так никогда и не смог примириться с мыслью, что он отказался от своей власти царя-самодержца.

В те годы, что последовали за приходом нового столетия, в стране воцарился непрочный мир. Полностью лишившись каких-либо иллюзий, Николай II стал все больше уклоняться от своих государственных обязанностей, обретая душевное спокойствие только в кругу своей жены и детей. Подобное состояние духа царя разделяла его жена, императрица Александра. В 1894 году, когда они сочетались браком, принцесса, дочь великого герцога Гессенского и Прирейнского, а также и любимая внучка королевы Виктории, Александра – Аликс, или «Солнышко», как звал ее муж, была необыкновенной красавицей. Оба они – и Николай, и Александра – казались воплощением сказочных принца и принцессы, которые всегда будут жить счастливо. Однако под этим лоском оказалось нечто такое, чего трудно было ожидать: необычайно робкая, серьезная и полная возвышенных идей, Александра обладала тем стальным характером, которого так не хватало ее мужу. Она всей душой приняла православное вероисповедание, к которому была приобщена после вступления в брак; однако в святых таинствах и догматах православия ею были усмотрены оправдывающие обстоятельства для своего, не знающего пределов желания считать власть супруга-императора абсолютной. Настаивая на том, что император не обязан делать какие-то уступки своему народу, Александра, так же как и Николай II, отказывалась верить, что самовластие пришел конец. В этом заключалась великая ирония судьбы: вскоре внучка королевы Виктории, самого могущественного и самого демократичного монарха на земле, стала даже в большей степени, чем ее муж, убежденной в том, что самодержавие освящено Божиим промыслом,

Николай редко возражал, когда супруга вмешивалась в государственные дела, и был внимателен к ее предостережениям. Во всем, что не касалось сферы политики, венценосная супружеская пара жила в полном соответствии с теми ролями, что были предназначены для них сказкой, и это самое малое, что можно сказать об их отношениях: они, несомненно, были очень сильно и преданно влюблены друг в друга, и их брак стал свидетельством торжества любви над внутрисемейными расхождениями и иными обстоятельствами. «Даже спустя много лет, – вспоминает один из их родственников, – они любили друг друга со всем пылом молодости» {5}. В то все более и более беспокойное время этот брак стал для каждого из них главным утешением и опорой. Однако такая императрица – любящая и полная душевного тепла – оставалась скрытой, неизвестной для России. Вместо нее аристократический Санкт-Петербург видел только женщину, ограниченную, самодовольную и лишенную хотя бы капли юмора; особу, которая презирала пустую жизнь светского общества и пышные балы, которыми оно заполняло долгие зимние дни. Александра не особенно старалась скрыть, что она осуждает подобный праздный образ жизни, и вскоре она стала сторониться общества и даже большинства из многочисленной родни своего мужа. Зная, что симпатии общества не на ее стороне, и чувствуя себя все более и более нездоровой физически, она увела своего мужа в замкнутый для всех мир; он отделил их от скандалов и сплетен, а также от тревожащих душу мыслей. Однако тем самым она также изолировала себя и его от реалий меняющегося мира.

После 1904 года, когда она наконец произвела на свет долгожданного сына и наследника престола, цесаревича Алексея, религиозные воззрения Александры приобрели еще большую глубину. Общество ликовало по поводу этого события, но через шесть недель родители новорожденного узнали, что он страдает гемофилией, которая была передана ему его матерью; последняя, в свою очередь, унаследовала порочные гены от королевы Виктории. Эта новость

бросила мрачную тень на жизни Николая и Александры, и вместо того чтобы открыто признать, что их сын стал жертвой этой губительной болезни, они придали гемофилии Алексея статус государственной тайны. О ней было сказано его сестрам, а также некоторым из слуг, придворных и узкому кругу родственников, но вся остальная Россия знала лишь то, что будущий император часто не бывает здоров. От этой болезни не было лекарства, и почти любой ушиб или падение могли закончиться потенциально смертельным кровотечением. В надежде избежать подобных случайностей императорская чета вменила в обязанность двум матросам – Андрею Деревенько и Климентию Нагорному – вести постоянное наблюдение за своим опасно больным сыном. И все равно: страх перед завтрашним днем лег тяжелым эмоциональным и физическим грузом на обоих родителей, но в особенности на Александру, которая знала, что это она хоть и без вины, но виновата в страданиях Алексея. Оставив все надежды на помощь науки, Николай и Александра обратились к религии, рассчитывая обрести покой посредством услуг ряда сомнительных провидцев и святых и отчаянно рассчитывая на чудо. Это чудо встретилось им в 1905 году, когда они впервые познакомились с печально известным сибирским крестьянином Григорием Распутиным.

Нереализованные помыслы, войны, забастовки, волнения в стране, покушения – все это вкупе с враждебным отношением аристократии и болезнью Алексея слилось в единую силу, которая вынудила Николая и Александру отступить, уйти в идиллический мир ценностей буржуа и в мир любви к семье, любви, для которой не было больше места в роскошных покоях императорских дворцов. Уехав в Царское Село, что расположено примерно в 24 километрах к югу от Санкт-Петербурга, и уединившись в двух десятках скромно обставленных комнат в крыле белого с желтым, в неоклассическом стиле Александровского дворца, семейство Романовых вело замкнутую, в изоляции от общества жизнь. По периметру императорского парка несли свою службу часовые, в мраморных залах дворца ждала приказаний прислуга и склонялись в поклонах придворные, но при всем этом Николай и Александра создали своим детям такую жизнь, которая в сравнении с жизнью многих их двоюродных братьев и сестер в Европе поражала почти полным отсутствием налета театральности.

В то время как надменные русские аристократы осуждали императрицу, видя в ней немецкую бюргершу, проявляемая ею забота о доме позволила детям расти в атмосфере любви и тепла. Александра могла быть всепоглощающе одержима какой-то целью и бескомпромиссной в ее достижении, но она была также и чуткой матерью, верность которой идеалам семейной жизни находилась в резком противоречии с тем намеренным удалением от семьи, создаваемом женщинами многих королевских домов Европы. Когда дети были в младенческом возрасте, она ставила их колыбели у себя в спальне, и она купала, меняла им пеленки и ухаживала за ними сама. Но часто такое в чем-то сродни анахронизму отношение, характерная для него серьезность и возвышенные устремления не давали Александре поддержать в своих детях настроения, характерные для их возраста, и большинство из людей, близких к царской семье, были единодушны в том, что за исключением Татьяны все они в большей степени любили отца {6}. Когда она была девочкой-подростком, Анастасия в своих письмах к Николаю II не жалела слов, чтобы выразить свои чувства, она обращалась к нему: «Мой золотой, мой добрый, дорогой папа» и писала: «Я так соскучилась, я так хочу видеть тебя», а в конце письма приписывала: «Целую тебя 1 000 000 раз, и руки, и ноги твои» {7}. К несчастью, как вспоминал один из придворных, «в повседневной жизни царь не особенно часто видел своих детей. Его занятость и царские обязанности не позволяли ему проводить с ними столько времени, сколько ему хотелось бы» {8}.

Но вместо того, поскольку императрица часто болела, а император был занят делами, дети, как правило, находились под присмотром нескольких нянь из Англии. В течение какого-то времени императорской детской ведала Мэри-Энн Орчард – няня, на попечении которой когда-то была сама Александра, и ей же было поручено заниматься подбором русских женщин,

которые служили под ее началом {9}. Ко времени рождения Анастасии главной няней была Маргарет Игер, но в 1905 году она оставила службу при дворе, и ее на этом посту заменила коллега Игер Александра Теглева. Вместе с еще несколькими русскими девушками Теглева, которую дети звали Шурой, обеспечивала ежедневный уход за детьми, была сиделкой при них, когда они болели, и баловала их со всей возможной любовью и вниманием. Позже, когда две ее старшие дочери повзрослели, Александра назначила их гувернанткой молодую женщину, которую звали Мария Тютчева, однако позже последняя выразила несогласие с императрицей по поводу посещения детской Распутиным {10}.

Четыре великие княжны, которые вели замкнутый образ жизни и были, в сущности, никому не известны, которые редко выходили в свет и общались только с узким кругом избранных придворных и аристократов, превратились в нечто несуществующее. Подданные их отца могли видеть их лица на официальных фотографиях и на сувенирных открытках, но за пределами закрытого для всех пространства в Царском Селе мало кто знал хоть что-нибудь о том, как они живут в действительности. Лишенные друзей и возможности общения, они жили в каком-то искусственном убежище, для которого было свойственно преувеличивать значение обычных конфликтов и сомнений юности в то время, когда каждая из них боролась за то, чтобы добиться одобрения и повысить свой статус как личности.

Ольга, старшая из четырех дочерей, считалась, по общему мнению, самой умной из детей Николая и Александры. Глубоко религиозная, добрая молодая женщина, Ольга была наделена некоторым упрямством, а также склонностью впадать в уныние, что время от времени приводило к столкновениям между ней и матерью. По своему характеру и по внешности Ольга больше походила на отца, которого она обожала {11}. Татьяна, вторая из дочерей, больше тяготела к матери, и младшие сестры и брат называли ее «гувернанткой». От природы стройная и элегантная, Татьяна унаследовала тонкие черты своей матери, а также не знающую сомнений уверенность в своих исключительных привилегиях. Но, несмотря на это, она по своей природе была достаточно скромна, и, несмотря на то что ей доставляло удовольствие то небольшое из светской жизни, что было ей позволено, Татьяне не нравился церемониальный этикет, который соответствовал ее рангу: однажды, смутившись из-за того, что некая фрейлина обратилась к ней «Ваше Императорское высочество» {12}, она ударила ее ногой.

Поскольку они имели небольшую разницу в возрасте, естественно, что сестры Ольга и Татьяна были близки между собой, и в семье их обычно называли «большой парой», тогда как две великие княжны, младшие по возрасту стали называться «парой маленькой» {13}. Мария, третья дочь Николая и Александры, тоже отличалась красотой. Густые золотистые волосы и большие голубые глаза заставили броситься к ее ногам множество поклонников; двоюродный брат Марии, принц Луис Баттенбергский – будущий лорд Маунтбэттен – был настолько очарован ею, что фотография Марии всегда стояла у его постели вплоть до 1979 года, когда он был убит боевиками Ирландской революционной армии (ИРА) {14}. Мечты Марии, непривередливой и непритязательной девушки, не шли дальше того, чтобы в один прекрасный день выйти замуж и создать большую семью {15}.

Анастасия, младшая из всех дочерей, и та, которой история назначила стать самой знаменитой, была, по утверждению одного из придворных, «совершенно самобытной, непохожей на своих сестер» {16}. Лили Ден, одна из самых близких подруг императрицы, называла Анастасию «хорошенькой», но отмечала, что «ее лицо скорее было умным, чем красивым» {17}. У Анастасии были русые волосы с легким золотистым отливом, а также «правильные и тонкие черты лица» {18}. Но что привлекало к ней больше всего, это ее серо-голубые глаза «с изумительным сиянием», как вспоминает о них Татьяна Боткина, дочь Евгения Боткина, главного врача царской семьи; они привлекали внимание, эти полные энергии, пульсирующие, согласно словам Ден, «колодцы разума», которые находились в постоянном движении и в которых постоянно мерцало озорство {19}.

Впечатление, что за благонравным поведением Анастасии всегда таится озорство, относилось к тем качествам, которые маленькая девочка развивала в себе сама, начиная с раннего возраста. Возможно, что являясь самой младшей из четырех сестер и будучи наименее значимой из всех пяти детей царской семьи, она осознанно старалась использовать любую возможность, и не важно, насколько подходящую, чтобы утвердить свою индивидуальность, поскольку она, несомненно, очень сильно отличалась от своих сестер и по поведению, и по темпераменту. Казалось, ничто не может остановить ее бьющие через край энтузиазм и энергию, казалось, ей неведомы ни ограничения, ни страхи. Великая княгиня Ольга Александровна, тетка и крестная мать Анастасии, называла ее Швыбзик, и Анастасия вела жизнь в полном соответствии с этим прозвищем {20}. Начиная с раннего возраста, утверждает Глеб, младший сын доктора Боткина, Анастасии «без всякого сомнения, принадлежал рекорд семьи по части совершения проступков, подлежащих наказанию, поскольку во всем, что касалось непослушания, она была подлинным гением» {21}.

Анастасия любила потеряться в огромном парке имперской резиденции и прятаться от встревоженных караульных до тех пор, пока общая тревога не вынуждала ее выходить из своего укрытия; она забиралась на головокружительную высоту на деревья и отказывалась спускаться вниз, до тех пор пока отец не прикажет ей сделать это, и она строила гримасы в лицо застывшим по стойке смирно часовым {22}. Ее опасались и приезжавшие к ним двоюродные сестры; одна из них, княжна Нина Георгиевна, утверждала, что Анастасия «отвратительна до такой степени, что ее можно считать воплощением зла», аналогичным образом сестра Нины, Ксения Георгиевна, называла Анастасию «дикой и грубой» и вспоминала, что когда та бывала недовольна результатом игры, она «часто царапала меня и таскала за волосы» {23}.

Для особы царской крови такое поведение было явно недостойным, однако Анастасии то ли в силу ее очарования, то ли в силу поразительной честности все проделки сходили с рук. Они становились способом утверждения себя как личности в стерильной и изолированной от всех атмосфере русского двора, своеобразной формой бунта против незыблемого и давящего уклада жизни в Царском Селе. Отец Анастасии мог сколько угодно быть самым богатым сувереном в мире, однако, как только Анастасия выросла из детской колыбели, она стала делить спальню со своей сестрой Марией. Это было простенькое помещение, которое для большего уюта было заставлено мебелью, обито воценым ситцем, а его стены украшали иконы, акварели и полюбившиеся фотографии {24}. Так же как и ее сестры, Анастасия спала на узкой армейской складной походной кровати, данная традиция в семействе Романовых уходила своими корнями к детству царя Александра I, и это делалось для того, чтобы закалить характер и бороться с изнеженностью {25}. Подобного же рода заботы делали обязательными ежедневные холодные ванны по утрам, и это притом что для мытья в теплой воде, что предписывалось делать по вечерам, служили массивные литые серебряные ванны, на которых были выгравированы имена всех детей царской фамилии, которые купались в них {26}. Анастасия и ее сестры помогали горничным, когда те убирали их комнаты, и, для того чтобы они не стали испорченными детьми, придворные и прислуга обращались к ним чаще по имени и отчеству, Анастасия Николаевна, например, нежели чем с использованием необходимых по статусу титулов и званий {27}. Княжны каждый месяц получали небольшие карманные деньги, на которые Анастасия могла приобрести какие-нибудь подарки или что-то для себя лично, включая ее любимые духи Коти Violette {28}. «Таким способом – как вспоминает один из придворных – их мать надеялась сделать так, чтобы они понимали значение денег, а это то, чего трудно понять многим из князей. Но правила этикета запрещали им заходить в любой из встреченных магазинов, за исключением магазинов канцелярских принадлежностей в Царском Селе и в Ялте, и поэтому они не имели какого-то четкого представления об истинной стоимости и цене товаров» {29}. В сравнении с другими королевскими домами здесь все было очень просто, но слишком подчинено форме, а не содержанию, оно было как бы отзвуком бесхитростных шарад, которые

разыгрывала Мария-Антуанетта, своей «деревеньке» в Версале незадолго до того, как Террор смел Бурбонов с их трона.

Дни в Царском Селе проходили в безмятежном однообразии. Если за хорошо защищенными стенами императорской резиденции Россия опасно вскипала гневом и недовольством, здесь встречались только подобострастно улыбающиеся лица. Восставши ото сна, великие княжны спускались по узкой деревянной лестнице, что вела из их комнат в покои матери, чтобы пожелать Александре доброго утра и лишь затем возвратиться к себе, чтобы позавтракать. Николай к этому времени уже сидел за письменным столом. И хотя бывало и так, что он сопровождал своих детей на прогулке по парку, и иногда даже вместе с императрицей, как правило, в первый раз за день вся семья собиралась вместе в четыре часа, когда все приходили на чай в знаменитом розово-лиловом будуаре Александры *Mauve Boudoir*. Это тоже совершалось в соответствии с традицией: правила, установленные во времена правления Екатерины Великой, определяли количество и форму булочек, количество блюд с хлебом и пирожными, которые ставились на стол. Александра жаловалась, что «в других домах чайные партии бывают гораздо более интересными», но, даже будучи императрицей, она «бессильна изменить хоть что-либо в порядке, заведенном при русском дворе» {30}. Александра разливала чай, передавала по кругу блюда с крошечными сэндвичами и пирожными; детям давали какао и небольшие ванильные вафли, называемые *biblichen*. Николай курил и читал что-нибудь вслух, императрица и ее старшие дети занимались вышиванием, а Анастасия вместе с Алексеем играли на темно-зеленом ковре {31}.

Подобные сцены, полные семейного, полностью буржуазного уюта, часто повторялись по вечерам, и нередко в них участвовала Анна Вырубова – самая близкая подруга императрицы, наивная, «сентиментальная и склонная к мистике» молодая женщина, у которой преданность к Александре соперничала только с ее безусловной верой в печально известного Распутина {32}. Царское семейство слушало граммофонные записи, особенно популярными были пластинки с операми Вагнера, а также русские или английские романы, которые читал вслух Николай, императрица занималась своим вышиванием, а девочки клеивали фотографии, сделанные ими с помощью ящичных фотоаппаратов⁶ «Кодак», в переплетенные в кожу альбомы {33}. По другим вечерам в большом полукруглом зале дворца проводилась демонстрация кинофильмов, показывали кинохронику, какие-нибудь детские фильмы, и не исключено, что показывали немые комедии из Америки или Европы, а также какие-нибудь сериалы. Все, что подлежало демонстрации, подвергалось тщательной инспекции, дабы на экран не попало что-либо недопустимое для показа детям, однако цензор неизбежно пропускал какой-нибудь страстный поцелуй или многозначительный взгляд, и все это вызывало у царских детей приступы смеха {34}.

Но, несмотря на всю эту домашнюю идиллию, одной вещи в ней недоставало: у Анастасии не было друзей. Будучи маленькой девочкой, она повсюду ходила с истрепанной, однорукой, одноглазой и безволосой куклой, которую она звала Вера, и ждала поддержки и утешения от своих сестер и любимцев семьи {35}. Изолированные от всех, великие княжны общались только друг с другом, а также с придворными и слугами, что окружали их. Графиня Анастасия Гендрикова, которая прислуживала их матери, была особой любимицей сестер, равно как и баронесса Софи Буксгевден, которая в 1913 году в возрасте двадцати восьми лет была назначена камер-фрау императрицы, однако ни та ни другая не могли претендовать на роль настоящих подруг {36}. Как отмечал Пьер Жильяр, придворный учитель при детях императора,

⁶ Ящичный фотоаппарат – официальное название дешевых пластиночных фотокамер. Они заряжались 6 или 12 стеклянными фотопластинками, как правило, 6 × 9 или 7,5 × 10 см; отснятые фотопластинки с помощью специального рычажка опускались на дно камеры. – Прим. пер.

«в силу обстоятельств великие княжны учились довольствоваться тем, что могли придумать сами, поскольку в их жизни отсутствовали какие-либо развлечения извне» {37}.

В этом повинна императрица. Как вспоминает Анна Вырубова, Александра «страшилась, что ее дочери окажутся в обществе искушенных в жизненных делах юных дам аристократического круга, умы которых даже в классной комнате подпитывались глупыми и зачастую порочными сплетнями декадентского общества» {38}. Иногда, правда, случались нечастые встречи с детьми старшей сестры Николая II, великой княгини Ксении Александровны, а также с княжичем Георгием и княжной Верой, самыми младшими детьми великого князя Константина Константиновича, который жил в Павловске, неподалеку от Царского Села, а также с княжнами Ниной и Ксенией Георгиевнами, дочерьми великого князя Георгия Михайловича, троюродного брата Николая II, однако такие встречи не носили систематического характера, и это были только кратковременные развлечения, а не подлинно приятельские отношения. Александра, по словам Вырубовой, «не поощряла» даже такие невинные встречи, считая, что многие из родственников ее мужа «нездорово и до времени созрели в своих взглядах на жизнь» {39}.

Увидев, как замкнуто живут ее племянницы, как они лишены возможности хоть как-то участвовать в жизни общества, Ольга Александровна, младшая сестра Николая II, сделала попытку вмешаться и предоставить им хоть малую толику развлечений. Довольно скромная и непритязательная, Ольга Александровна, которая была несчастливо выдана замуж за князя-гомосексуалиста, разделяла выраженное неприятие своей крестной дочерью Анастасией косности и убивающих все живое требований этикета, принятых при дворе российского императора. Ее предложение сводилось к тому, чтобы на несколько дней вывезти княжон в свой дворец в Санкт-Петербурге, чтобы они могли позавтракать со своей бабушкой, вдовствующей императрицей Марией Федоровной. Помимо этого Ольга устраивала для своих племянниц небольшие приемы, чайные партии и танцевальные вечера, и великие княжны с нетерпением ожидали второй половины дня воскресенья, когда они встретятся с другими юными дамами и кавалерами, приглашенными их теткой, и будут танцевать и играть в разные игры, беззаботно забыв обо всем {40}. Все они, как об этом позже вспоминала Ольга Александровна, «получали удовольствие от каждой минуты, проведенной на этих вечерах», особенно Анастасия. «Я и сейчас помню, как ее смех звенел по всем комнатам. Танцы, музыка, игры – она со всей душой пускалась в эти развлечения» {41}.

Единственным очевидным пороком данной сказки было отсутствие друзей и дружеских связей вне пределов царского дворца, та изоляция, в которой императрица держала своих дочерей. И ведь действительно великие княжны были, в сущности, пленницами, которых держали в золоченой клетке. Как вспоминал один из придворных, «Анастасии эти тесные рамки, внутри которых протекала ее жизнь, докучали больше, чем другим сестрам» {42}. Но вряд ли что можно было изменить. Те же часовые, специальные отряды полиции, матросы из Гвардейского экипажа, а также военнослужащие Казачьего конвойного полка, – все те, кто нес охрану территории резиденции, чтобы обеспечить в том числе, и безопасность Анастасии, они же держали ее, как в клетке, в этом удушающе тесном пространстве. Подобные меры предосторожности не радовали, но они были необходимы. Поскольку империя являлась государством, где недовольство постоянно грозило обернуться всплеском насилия, российский престол представлял собой шаткое сооружение. Подобная нестабильность встречалась и ранее, повторяясь с пугающей частотой: Петр Великий приказал замучить насмерть своего сына и наследника престола царевича Алексея; Екатерина Великая взошла на трон благодаря заговору, в результате которого был убит ее муж Петр III, а императора Павла I убила группа аристократов. И примеры нестабильности встречались и не в столь далеком прошлом: в 1881 году, когда будущему Николаю II было всего двенадцать лет, он стоял у постели своего деда, царя Александра II, глядя, как тот, истекая кровью, умирает от бомбы, брошенной террористом; менее чем четверть века позже дядя Николая и шурин, великий князь Сергей Александрович, был буквально разорван

на куски бомбой, брошенной революционерами. И, когда Анастасии исполнилось десять лет, уже имело место около полудюжины неудачных попыток убийства самого Николая II. Бывало и так, что мощные забастовки и стихийные бунты приводили к тому, что императорская семья не могла уехать из своих резиденций. И даже когда они покидали защитную оболочку своей резиденции и ехали по пределам необъятной Российской империи, им приходилось использовать для этой цели императорский поезд из синих, сильно бронированных вагонов, который шел в сопровождении второго такого же поезда, пущенного с целью спутать планы возможных революционеров {43}. Такая ужасная неопределенность стала доминирующим содержанием сказки, в которой жила Анастасия, это была незаметная на взгляд, но вполне конкретная опасность, которая таилась под сверкающей поверхностью ее рафинированного мира.

2

Чертенюк

Казалось, что характерные для Анастасии девическая живость и жажда жизни, так убедительно демонстрировавшиеся ею в ранние годы жизни, постепенно потускнели, стоило ей столкнуться с тяжелым испытанием в виде классной комнаты. Анастасию никогда не относили к числу особ с развитым интеллектом, но особенности ее врожденного любопытства не могли не привлечь внимания. «Всякий раз, когда я говорил с ней, – писал граф Александр Граббе, командир Собственного Его Величества конвоя, охранявшего Императорскую фамилию, – я всегда уходил, находясь под впечатлением от широты ее интересов. То, что она обладает живым и острым умом, было видно с первого взгляда» {1}.

Хотя еще до того, как она встретила с безукоснительными правилами процесса обучения, все говорило о том, что Анастасия была просто захвачена желанием учиться. Ее интересовало все, она хотела как можно больше узнать про людей, про сложившийся порядок вещей и про то, какие смысл и значение несут в себе слова. В 1905 году двадцатипятилетний уроженец Швейцарии Пьер Жильяр получил пост преподавателя при дворе царя; до этого он служил в качестве придворного учителя у дальнего родственника Романовых герцога Сергея Лейхтенбергского, теперь ему было поручено преподавать французский язык великим княжнам старшего возраста {2}. Однажды, вспоминает Жильяр, он едва закончил занятия с Ольгой Николаевной, когда в классную комнату вбежала Анастасия, которой к тому времени было около пяти лет. «Она прижимала к себе большую книгу с картинками, а затем бережно положила ее на стол передо мной, – писал он, – после этого она протянула мне руку и сказала по-русски: “Я бы тоже хотела учиться французскому языку”. Не ожидая моего ответа, девочка забралась на стул, опустилась на нем на колени, открыла свою книгу и, указав на рисунок, изображавший большого слона, спросила: “И как он называется по-французски?” Вскоре мне пришлось назвать целый Ноев ковчег наименований – львы, тигры и все остальные животные, изображенные там». Казалось, что Анастасию интересовал не только диковинный французский язык, но и новое лицо в их окружении, и вскоре она стала частым посетителем классной комнаты Жильяра, «вбегая в нее», как только Жильяр оказывался там один, и «рассказывая мне все о самых важных событиях своей жизни. Ее речь изобиловала ярким, по-детски образным построением фраз, и это в сочетании с мелодичным русским языком придавало ее голосу мягкие, почти что убеждающие интонации. Иногда она даже могла упросить, чтобы я позволил ей остаться и послушать, как я преподаю урок кому-то из старших девочек. В таких случаях ей больше нравилось сидеть на ковре и в глубоком молчании следить за всем происходящим, так как она знала, что результатом любого вмешательства в занятия будет ее изгнание из классной комнаты, которую она в то время склонна была видеть чем-то вроде рая, вход в который закрыт» {3}.

Подобное представление о классной комнате как о рае исчезло, как только посещение ее стало обязательным. Регулярные уроки Анастасии начались, когда ей исполнилось восемь лет. Жильяр вспоминал, что на первых порах она «училась с усердием» и «старалась запомнить все», хотя при этом ее внимание проявляло склонность быстро переключаться с одного объекта на другой в связи с угасанием интереса к первому {4}. Она могла быть не просто ученицей со скромными способностями, она могла быть также и трудной ученицей. Возможно, в силу того, что не получали должной оценки ее и более возмутительные проступки, создавалось впечатление, что Анастасия подходила к занятиям, как какой-то игре, где урокам отводилась роль препятствий, которые нужно было обходить. Когда она сталкивалась с затруднениями, ее обычным способом решения проблемы было представить все как шутку, не заслуживающую особого внимания, и таким образом выйти из неприятного положения. Однажды, когда результаты проверки знаний оказались просто катастрофическими и преподаватель дал им соответствующую

щую оценку, Анастасия вышла из классной комнаты; несколькими минутами позже она вернулась и пообещала наставнику букет цветов, стащенный с ближайшего стола, если тот исправит ее отметки. Когда наставник отказался сделать это, она «вытянулась во весь свой небольшой рост», прошла «в расположенную рядом классную комнату» и там громко и со значением подарила цветы другому преподавателю {5}.

Возможно, что проблемы, с которыми столкнулась Анастасия, до некоторой степени обязаны формальному и лишенному какой-либо фантазии подходу к ее образованию. Ведь она, так же как и сестры, проходила обучение у группы преподавателей по истории, религии, арифметике, географии, естественным наукам и литературе, а также у преподавателей танцев, рисования, живописи и музыки, и каждый из них имел свой уровень педагогического таланта и способность понять психологию обучаемого. По большинству данных предметов Анастасия успевала ровно настолько, насколько это требовалось, чтобы получать минимальные удовлетворительные оценки или представления об изучаемой дисциплине. Она никогда не демонстрировала выдающихся результатов ни по одному из предметов, и во многих областях часто демонстрировала результаты, хуже ожидаемых. Но в таких случаях она могла возразить: что на самом деле может в жизни потребоваться от нее, за исключением того, что однажды она выйдет замуж за какого-нибудь достойного принца и создаст семью? То, что потребуется ей в таком случае, особенно если она выйдет замуж за какого-нибудь своего дальнего европейского родственника, – знание языков. Для Анастасии это означало знание русского, английского, французского и позже немецкого языков. «Четыре языка – это много, – писала Александра о своих дочерях, – но то, что они потребуются им, это не подлежит сомнению» {6}.

Анастасия росла в семье, где говорили на многих языках. На русском языке она общалась со своим отцом, сестрами и братом, а также с придворными и прислугой; а на английском говорила с матерью {7}. «Правописание, увы, никогда не было ее сильным местом, даже русское правописание», – писал Жильяр, поэтому сочинения и письма, написанные ею, были в большей степени полными безудержного энтузиазма, нежели чем грамотно написанными по форме {8}. В силу того, что со своей матерью Анастасия говорила на английском языке буквально с рождения, многие считали, что она обладает очень правильным и аристократически точным английским произношением, каким и должна обладать правнучка королевы Виктории. Для большей части англоязычного мира представление о том, что семейство, царствующее в России, ведет свою жизнь, разговаривая, шутя и перешептываясь на языке, который так или иначе делает их ближе и понятнее, до какой-то степени тоже несло в себе очарование сказки о жизни семьи императора. Однако почти несомненно, что эта составляющая мифа не соответствует истине. Если Николай и Александра и могли быть полиглотами, и говорили на этом языке, то достигнутая степень владения и произношение их детей, хотя бы применительно к английскому языку, оставляли желать лучшего. В 1908 году, после тринадцати лет общения на английском со своей матерью, Ольга Николаевна имела такое произношение, которое иначе как плохим не назовешь. У Анастасии и Марии дела обстояли еще хуже, и создавалось впечатление, что Алексей до 1914 года вообще не говорил на этом языке {9}. Данные обстоятельства привели к тому, что для обучения своих детей английскому императрица Александра наняла на службу Чарлза Сиднея Гиббса, 33-летнего уроженца Йоркшира, который преподавал этот язык в Санкт-Петербурге {10}. Со временем и при наставничестве Гиббса разговорный английский Анастасии заметно улучшился, хотя грамматика и правописание оставляли желать лучшего {11}.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.